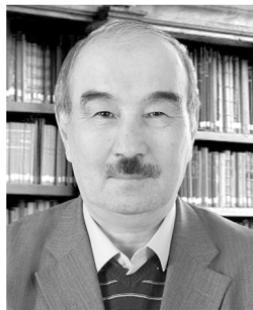

Аслан

Жаксылыков

ДОМ СУРИКАТА

Роман

Уходящая ночь свернулась клубком и крысой юркнула в норку. «Убей суриката! Убей!» – донеслось из промозглой тьмы...

Рассвет, наконец, выбрался из своих непроглядных джугарных лабиринтов и робким светом-ладошкой коснулся твоего лица. Еще одна бредовая ночь канула в пучину прошлого. Ты шевельнулся в кресле, чтобы оживить затекшую ногу. Добротная кожа, выделанная на какой-то кондовой заморской фабрике, тисненая тяжеловесным монологом ночного редактора, тихо скрипнула, отпуская плененное на время тело человека.

Она была молода и красива, источала свежесть утренних фиалок, особенно привлекательная, когда, распустив пышные волосы, подобно наяде, возлежала на ряби гобеленового прибоа. И эта ее культивированная, бьющая по сердцу красота означала пожизненный приговор для одинокого бродяги, обветренного суровыми бурями странника, заросшего не тьмой, а бредом безнадежного болотного человека.

Ты произнес эту напыщенную фразу и с вызовом посмотрел на смутную фигуру в кресле напротив тебя, ожидая реакции. Однако Собеседник хранил тяжелое молчание, ничем не выдавая своего отношения к сказанному. Вся пасмурность, облаком витавшая в комнате, казалась излучением его долгого взгляда, сочащегося даже не из-под век, а из его невысказанного прошлого, горького, как все солончаки мира вместе взятые. Тем не менее, он был солидарен с тобой в одном – в понимании застарелой тоски одинокого брошенного мужчины. Возможно, он даже сочувствовал тебе. Хотя, на твой взгляд, это была излишняя щедрость с его стороны. По логике вещей, он должен чувствовать себя отомщенным – а это уже совсем другая эмоция. И все же ты нуждался в нем, в его непревзойденном внимании, в участливой пронизательности умного человека, с полуслова угадывающего любые повороты неприхотливой мысли типичного

Роман «Дом Суриката» (четвертая книга цикла «Сны окаянных»), написанный в 2007 году, был отпечатан в количестве 200 экземпляров. Однако автор забраковал тираж, поскольку книга изобиловала погрешностями в корректуре, а на части страниц и вовсе отсутствовал текст. Таким образом, книга ни в свободную продажу, ни в библиотеки не поступала, и можно сказать, что выход ее не состоялся. Журнальная публикация романа наверняка с интересом будет встречена почитателями таланта писателя.

бывшего мужа, теперь уже бобыля. Он был лучшим Собеседником, а в твоём положении другого не выбирают.

Тихо щелкнул автомат, аромат сваренного кофе поплыл из комнаты в коридор, с этажа на этаж. Выждав паузу, ты поднял чашку из темного фарфора, глотнул терпкий напиток, затем выжидающе покосился на Собеседника. Тот даже не пошевелился, храня всё то же непостижимое молчание, породненное с коммунальной пустотой. Раньше эта невозмутимость, граничащая со спесью, раздражала тебя, однако со временем ты привык к этой черте его характера.

Впервые это ощущение необъяснимого взгляда судьбы из другого мира царапнуло твою душу, когда ты увидел Ее в павильоне декоративных растений у входа в Ботанический сад. Именно царапнуло, а не сдавило или коснулось, – так лингвистически точнее ты определил этот нюанс, как бы подчеркивая темное присутствие будущего в этом ощущении, цепи грядущих событий, отнюдь не светлых для тебя. Ты увидел ее в зеленом окружении всевозможных кактусов, опунций, орхидей, фикусов, пальм, мимоз, вьющихся растений с диковинными соцветиями и без оных, существ, явно стремившихся произвести впечатление не на нее, а именно на тебя, козлища одинокого, смурного, забредшего не в свой сад, поэтому должного быть пойманным. Она же была чем-то сродни с растениями, поэтому они выполняли ту же самую работу по уловлению одинокого самца, программу, записанную в незримых генетических кодах всех поднатюревших женских особей сего мира. Судьба уготовила для тебя весьма сложную пространственно-временную ловушку, в центр силков поместив ее – благоухающую свежестью женщину, обставив ее букетом томных тропических растений, и в этой архитектонике точно был отражен план твоей души, подсознательно давно ищущей своего ловца из муссонного мира утопающих джунглей. Ты все это понимал даже не своим умом, а подсознанием Малыша-утенка, регистрирующего в Реестре малейшие движения Программы, однако ты ничего не сделал, чтобы спастись, а заодно – спасти Собеседника, с некоторых пор целиком и полностью зависящего от тебя. Чем больше ты смотрел на кактусы, тем больше понимал, что уже пойман, уловлен весьма надежно, со знанием дела, посему уже описан и каталогизирован в коллекциях джугарных обормотов, задумавших очередное осветление будущего. Наверное, ей было не больше тридцати пяти, хотя понятие женского возраста всегда обманчиво и неуловимо виртуально, оно кишит призрачными ощущениями возле невидимой грани этого и другого мира. Просто рядом с ней цвели столетние опунции, и этот факт решал все. Ты увидел, как век дремавшие колючки разом пришли в движение, вулканически вспучив верхушки и брызнув вверх феерическими, неземными красками, вылупившимися из невероятной тьмы несчетных дней и ночей. Вряд ли она понимала и толику из того, что происходило рядом с ней. Также она не обращала никакого внимания на коммунально-бытового пухляка в скучном костюме с совершенно невыразительным стандартным лицом. Мало ли мужчин отираются в магазинах декоративных растений, не зная, куда девать себя от проклятых вопросов холостяцкого бытия? Но расцвет кактусов, дремавших сто лет, ты не просто узрел, ты увидел, и сему событию придал мистическое судьбоносное значение. И тогда ты решился. Именно тогда в невидимых горизонтах этих и других миров возникла твоя связь с Собеседником. И то, что он потом занял свое место в этом кожаном кресле, было просто следствием событий, которые произошли в магазинчике.

В этот павильон ты заглядывал и раньше, и отнюдь не из любви к тропическим растениям. После гула и бреда компьютера тебя тянуло поболтать с другом – биологом, коллекционером экзотических растений и насекомых. Бывая в разных странах, он на всякий случай приобретал семена и отростки ценных растений, представляющих немалый интерес не только для коллекционеров, но и даже для фармакологических институтов и лабораторий. В одном из этих учреждений, гадающих на кофейной гуще, подвизался твой друг, обладавший энтузиазмом Чарльза Диккенса и сметкой дельца наших дней. Вы встречались в магазинчике у Ботанического сада, чтобы потом, после праздной болтовни на биологические темы, отплыть на променад в одну из кафешек, что окружали сады и огороды. На этот раз Чарльза Диккенса на месте не оказалось, что тоже было предусмотрено Программой, а на его месте рядом с корейской аралией красовалась молодка в длинном оранжевом платье, такая бабочка-махаон в женском облике. И ты уже тогда почувствовал, что невидимые усики прекрасного внимания трогают и щупают твое сердце, хотя она вроде бы не оборачивалась, чтобы посмотреть на незнакомого человека. Тем не менее, еще как смотрели и изучали, допытывались исподтишка, вспорхнут ли, полетят ли вверх тормашками на пару вместе с самкой витать над цветами, садиться на тычинки и пестики, собирать сладчайший аромат-пыльцу верного желтого счастья. Так ощутимо трогали бедное, измученное одиночеством, воем воющее сердце холостяка, что это сладостное ощущение не просто осталось, а отпечаталось в хмарной глубине не то когтем, не то корнем. И ты был околдован властительными феромонами бабочки, и по той причине стал заглядывать в сей тропический притон чуть ли не каждый день. И однажды ты вновь увидел ее, покупающую веточку мимозы. И твоя фантазия тотчас нарисовала торжество международного женского дня, когда весь народ ликует, не ходит на службу, а шатается по магазинам, готовит пышный стол с цветами и тортом, чтобы достойно чествовать ту, которая Все знает, которая ведает кухней и стратегической кладовкой. «Будь они, хуторянки, неладны! Морочат нам голову с помощью всяких ухищрений, а главным образом – наливки из ведьминского сخورона», – так ты сказал и с вызовом посмотрел на Собеседника, надеясь на затяжную полемику по гендерному вопросу. Однако тот вновь промолчал, взяв тайм-аут. И ты остался один с неразделенным чувством глубокой вины. На что было серьезное основание, ибо тогдашние мысли о женском празднике в ауре домашнего уюта имели место быть, они представляли, конечно, следующую уловку охотника, запутывающего сетями пойманного.

«Она была стройна, словно тростинка, и окутана загадочным светом, тем самым очарованием, которое безошибочно выдает женщину высокой души. И эта аура, тем не менее, делала ее полностью одинокой в толпе городских товаров, пришедших полюбопытствовать на диковинные растения, а то и прицениться, в случае чего», – вновь произнес ты и заинтересованно глянул на Странника. Тот на сей раз без всякой иронии и подтекста согласно кивнул.

Ты же выглядел не так презентабельно, этакий увалень в мешковатом костюме, с мясистым лицом типичного снабженца, с характерным дыханием начинающего астматика. И ты в эту минуту с сожалением подумал об Армане, щеголе в белом костюме, прикинутом франте. Почему ты не Арман, или, по крайней мере, не уверенный в себе Редактор? Почему судьба так несправедлива к тебе именно в женском вопросе? Самым удивительным и необъяснимым было то, что она тоже

смотрела на тебя, чуть дольше, чем требовалось для проформы. Возможно, она узнала в тебе постоянного посетителя магазина, или ее возмутил твой слишком пристальный взгляд? Ты был готов стусеваться, но ее глаза тепло улыбнулись. Солнце вспыхнуло в твоей груди – тебя понимают, поддерживают! В следующую банальную минуту, не менее роковую в плане предчувствий, ты без промедления предпринял попытку сблизиться. До этого дня ты несколько вечеров подряд старательно изучал все энциклопедии и каталоги тропических комнатных растений зубрил замысловатые латинские названия бегоний и орхидей, многие из которых представляли собой симбиотические существа, путался в классификациях, даже определился в симпатиях. Из этого вытекало, что по отношению к женщине тобой была разработана нешуточная стратегия знакомства.

Ты отхлебнул еще глоток кофе и вопросительно взглянул на Собеседника. Тот неподвижно сидел на своем пучинном месте, пень пнем деревенел, осыпаясь ежесекундно в немыслимых джугарных грезах-превращениях. В ухе зачесалось. Ты понял, в чем дело, поковырялся и достал из левого уха фиолетовый росток, изогнутый, повторяющий очертаниями лабиринты слуховой камеры. Внимательно осмотрев отросток, опустил в бутылку с медицинским спиртом. Там в мутноватых недрах плавала дюжина таких же гомункулов, каждый из которых, дай ему срок, прикончил бы тебя, запустив алчные корни в органы и кровеносную систему, в итоге пышно вызеленев листьями, напитанными твоими соками. То были мнимые растения со свойствами грибков, простейших животных, вообще-то невероятные существа, из тех оборотней, которые в два счета покончили не только с городом, но и со всем человечеством. Этот мастак вырос чересчур быстро и почему-то поддался, когда его вытаскивали. Завтра или послезавтра вымахает другой шустряк, успевший запустить корни в мозг, и он на твои попытки справиться с ним скажет без обиняков: «Всё, хозяин, тебе кранты! Заказывай белые тапки – твоя песенка спета!»

Итак, моей роковой ошибкой было то, что именно я сделал первый шаг к сближению, спросив что-то глупое про лиловую орхидею, цветками напоминающую улыбающиеся губы. До этого момента я знал про это злополучное создание почти все, что могли сообщить справочники, также ведал, что муссонный цветок очень нравится Ей, из-за чего она навещает магазин растений чуть ли не каждый день. Если бы я тогда мог предвидеть, к чему приведет мой опрометчивый поступок, я бы, наверное, на пушечный выстрел не подошел к проклятому павильону, или, по крайней мере, поспешил бы прочь, спасая живую и свободную еще душу. Собеседник покачал головой, и тогда, понимая смысл жеста, ты с горькой интонацией произнес другую сентенцию.

Все же, несмотря ни на что, не взирая на маневры эгоистического ума, я должен признаться в том, что даже если бы мне было даровано свыше предвидение сегодняшнего дня жалких и поздних констатаций, все равно я сделал бы то, что тогда сделал, осуществив предсказанное судьбой; ибо в результате невероятных мытарств, пройдя через мыслимое и немыслимое, осознал я однажды, что в предыдущем мировом цикле именно на этом месте я предпочел тот же самый выбор. И все потому, что она была суждена мне только для того, чтобы передо мной открылся вход в лабиринт этих джугарных повторов-превращений.

Коротко говоря, мой поступок свелся к тому, что я, включив все тепло обаяния, ответил на ее взгляд самой что ни есть приветливой улыбкой. Затем произнес весьма оригинальную фразу: «Кактусами интересуетесь?» Она с интересом глянула на меня, и я внутренне запаниковал, заподозрив подвох, потому что в ее взгляде промелькнуло что-то неуловимо напоминающее иронию и редактора и Собеседника одновременно. Однако она с наивностью школьницы призналась, что проходит азы натурализма (откуда мне было знать, что передо мной биолог-профессионал, да еще военной ориентации). Далее происходило то, что происходит со всеми влюбленными мужчинами, когда им дают временную фору. Со всей пылкостью мнимого знатока я принялся расписывать ей прелести рода кактусов, особенно подчеркивая магические свойства растений мексиканской пустыни – небезызвестного пейота. Я провел ее по всем закуткам магазина, неожиданно оказавшегося обширным помещением со всякими поворотами и кладовками, резервными комнатами, в некоторых из них почему-то остро пахло крысиным пометом. Однако я пренебрег этим значительным свидетельством, меня поощряли прекрасные очи бабочки-махаона, усики щекотали где-то в центре сердечного плексуса, и мне было недосуг раскидывать мозгами над подозрительными признаками этого места. В итоге меня наградили неподражаемо ласковым взглядом иссиня-черных глаз, сиянием такой нежности, что у меня все обмерло в груди, а земля ощутимо поплыла под ногами.

Он сидел все в той же позе, утопая в сумраке необъятного кресла, ковбойская широкополая шляпа бросала еще более густую тень на лицо, обычно невозмутимое, со штрихами суровости на крепко сжатых скулах. Он был воплощением внимательности, в то же время в меру загадочен, несколько отрешен, душой находясь за какой-то чертой, за которую обычному смертному проникнуть не дано. Его долгое молчание и пучинная непоколебимость иногда наводили на тебя трепет, и тебе казалось, что в его безмолвии есть что-то сакральное, напоминающее древние египетские изваяния, напитанные тысячелетней мудростью. Именно в такие минуты почти религиозного чувства ты пускался в неудержимые пространные монологи, которые, наверное, все же являлись исповедью. «Пожалуй, мы получили то, что хотели» – не без удовлетворения подумал ты, окидывая оценивающим взглядом вечернюю фигуру, затушеванную полутонами света, пробивающегося через пепельно-серые шторы. Поза Собеседника была подчеркнута естественной, она достаточно выразительно отражала внутреннее состояние немолодого мужчины, несомненно, уставшего не столько от трудного дня, сколько от итогов драматической жизни, посему несущего на челе печать печали. Именно вот так, обмякнув всем телом, осоловев чертами, уходя все глубже в сумерки душой, должен покоиться в последнем кресле человек, сделавший шаги в осень своей жизни. С первого взгляда становится ясно, что усталость этого человека от увядания души, что он уже не ждет от жизни никаких подарков, не надеется ни на какие призы. Помнится, до той самой злополучной командировки, разверзшейся пропастью между ними, он выглядел иначе – сухошавый, крепко сбитый, идейно настропаленный, он напоминал бывшего военного, и даже тросточка в руках не портила этого впечатления. Впрочем, в этой догадке было немало истины, ведь, как выяснилось потом, после его неожиданного возвращения из гор, если верить записям, он выступил в роли специального агента, прошедшего подготовку в особо засекреченных лагерях. Так

вот, двадцать лет скитаний в пустыне превратили семижильного вояку в подобие самого себя, теневое существо, как бы застрявшее между мирами, отмеченное печатью неистребимых сомнений и глубокого одиночества.

Когда он возник на пороге твоего жилища, едкий, желтый, прожигающий горечью ветхие рубища, в которые был облачен, ты поразился интуиции жены – именно таким рисовала она Его образ, тысячи раз представляя возвращение блудного мужа. И тебя тотчас осенило поздней догадкой, что история повторяется на сей раз неприятным и даже опасным образом для тебя. Тебе показалось, что ты приоткрыл завесу над ее сокровенной тайной-надеждой на его возвращение. Тебе пришлось предположить, что твой дом стал для нее чем-то вроде временного пристанища, а ты – хозяином фазенды, которую она арендовала для отдыха на трудном отрезке долгого пути. И с этой догадкой тоже ничего нельзя было поделать, разве сам Господь, создав Еву, не понял ясно, что душа женщины подвластна только прихоти. Тем не менее, ты был достаточно опытен, осторожен и терпелив, как и подобает настоящему человеку-сурику, ищущему королеву для создания логова. Ты не мог позволить демонам ревности развалить твое бунгало, выпестованное убежище, высоко вознесенное над тлетворными бурями мира.

Ты понимал, что с твоей стороны было бы чересчур опрометчиво чернить в ее глазах бывшего мужа, порочить образ его цыганской жизни, высмеивать его поступки и шаги, которые привели в конечном итоге к столь жалкому состоянию. Болтливые и тщеславные глупцы, заполучив желанную женщину своего заклятого соперника, так и поступают, стремясь довершить разгром противника на своей выгодной половине поля. При этом они не жалеют никаких усилий, не понимая одного – что женщина может оказаться умна и проницательна, что она может питать сострадание к отвергнутому и оскорбленному мужчине. Именно с ней такой маневр не прошел бы, это ты понял достаточно быстро и вовремя. Ты был осторожен даже в те дни, когда, изрядно отогревшись в твоём комфортабельном логове, пообвыкнув и заметно порозовев на твоих харчах, она принялась безжалостно унижать и обличать бывшего мужа. Он, по ее словам, оказался безнадежным бродягой, графоманом, неисправимым идеалистом, романтиком, витающим в неземных грезах. Она наградила его самыми хлесткими, а то и оскорбительными прозвищами. Ты убедился, что фантазия и язык женщины-оленихи просто неистощимы на почве критики былого. Ты наблюдал, изучал, делал осторожные выводы, нисколько не вмешиваясь в военные дела женщины, довершающей разгром своего недавнего прошлого. Ты просто помнил предостережения ветхозаветных патриархов, которые, видимо, что-то знали о женщине, иначе зачем они предупредили мужчин всех времен, что нечистая сила обретается рядом именно с дочерьми Адама. Кто знает, куда завтра повернет ветер ее предубеждений, стоит ли помогать женщине, когда она вершит силу Хаоса?

Зуммер микроволновки требовательно заужжал, зовя поторопиться с ужином. Ты пожал плечами, выудил из-под полы халата пульт и утопил красную кнопку. Прибор, согретый тебе вчерашнее жаркое, захлебнулся собственной трелью. И ты вдруг вспомнил, что дуэль с микроволновкой длится вот уже третий час, а может быть, третьи сутки. Кто его знает, кто разберется в бреде сумасшедшего времени, галопом помчавшегося то ли вперед, то ли назад, или куда-то

совсем наперекосяк? Уже не припомнить тот день и тот час, когда, осознав, что человечеству пришли полные и окончательные кранты, ты принялся сгребать в охапку прежде всего приборы с процессорной начинкой. Набивал коробки сотками, часами, компьютерами, ноутбуками, калькуляторами, микроволновками, фотоаппаратами, кинокамерами. Телевизоры тащил по вечерам на своем горбу, холодильники же кантовал глубокой ночью с помощью монтажной тележки. Люди боролись с инфекциями, травили тараканов, воевали с крысами, тратили деньги на лекарства. Они швыряли несчетные миллионы на поиски спасительных панaceaй, экстрасенсорных, энергетических, магнетических, биохимических, квантовых, генно-инженерных и еще бог знает каких. Ты же, повинувшись инстинкту суриката, принялся таскать в свою берлогу необходимые припасы. Охотился с пристрастием за консервированными продуктами. Запасался основательно инструментами, спецодеждой, стрелковым оружием, боеприпасами, аккумуляторами, батарейками, жестью, пластиком, изоляционным материалом. Кресло, в котором ты то сидишь, то лежишь, – чудо автоматки. Оно способно массировать спину с помощью сжатого воздуха, может укачать и убаюкать вибрацией или рассказать сказку на сон грядущий голосом магнитной ленты, разбудить утром рано, включить по твоему требованию свет в квартире, соединиться с центральным компьютером. И еще кое-что может кондовое кресло, в память которого ты предусмотрительно записал два голоса: ее ласкающее грудное контральто и менторский фальцет Редактора. Ее – чтобы успокоиться в случае чего перед сном, его – чтобы в особом раздражении настроиться на битву за выживание. В итоге из кресла приходится вставать только по нужде, чтобы почистить зубы и принять душ. Мягкий японский халат (который раз ты благодаришь за него японского бога) оказался очень удобен для всех коммунальных случаев, ты почти не вылезашь из него. Другие вещи уже по много раз побывали в зеве стирального автомата, кстати, тоже предусмотрительно оснащенного ее голосом.

«Пожалуй, сегодня он особенно внимателен, что свидетельствует об его натренированной психике. Еще бы, все-таки школа ендовой бабы», – подумал ты, чувствуя, как после чашки горячего кофе заметно поднимается настроение. «Собеседник сегодня на высоте положения. Он как будто осознает свое преимущество и снисходительно предоставляет тебе возможность полностью выговориться. Он ни разу не остановил тебя, не сделал ни единого замечания. Даже взор свой приглушил сумрачно, чтобы не раздражать тебя настойчивым взглядом. Я весьма благодарен. Также ощущаю, что ты поддерживаешь меня, что придает мне силу. А это так нужно сурику для дальнейшей борьбы за выживание в этом проклятом месте», – растроганно размышлял ты, поглядывая на Собеседника. Тем не менее, надо быть настороже, так как внимание такого господина, как Странник, двойного или даже тройного агента Особого отдела, субъекта весьма скользкого и странного, – фактор опасный, с неопределенными последствиями.

Так ты подумал, бросая быстрые взгляды в сторону Того, кто возлежал в презентабельном кресле. Вечер же, вкрадчиво тихий, такой же, как и все другое в этом заброшенном мире, всячески пытался успокоить тебя, приглушить нечаянную тревогу, вызванную ощущением пустоты. Он кисейными линиями ретушировал атмосферу, неощутимо нежными касаниями разрыхляя и углубляя пространство, кистью художника раскидывая там и сям пушистые, тающие мазки-тени по углам

комнаты-мольберта. Ты любил такие минорные пейзажи. Не хватало только далекого объемного голоса гобоя, прозрачно поющего за пределами слуху где-то там, за небесами, за горизонтом, за крылом огненного заката.

И тогда коммунальный человек услышал вкрадчивый шепот, сочившийся из недр тростникового, умиротворенного воздуха: «Все нормально. Страницы Хаоса и Войны еще не открыты в большой книге Малыша-утенка. Насладись пасторальным вечером мира и покоя. Ее дух пока еще пребывает здесь, служба твоему сердцу. Все говорит о ней, хозяйке твоего большого дома. Вот-вот скрипнет дверь, и она войдет с подносом, на котором чашка кофе и пара печенюшек, кукурузных, конечно. Два степенных господина улыбнутся друг другу, ощутив что-то совершенно невыразимое, сокровенное, внятное только душе человека, созерцающего вечер жизни». И ты сию же минуту согласился с этим резюме суриката, давно выведшего в знаменатель все ценное и достойное из драматической истории исчезающего вида. В то же время, прежде чем включить контрольную систему на осмотр внутреннего и внешнего пространства дома, ты мысленно обозрел свои владения. Все окна на всех трех этажах плотно зашторены, снаружи они прикрыты кованой решеткой. Тройной ламинированный стеклопакет каждого окна оборудован сигнализацией, двойная наружная бронированная дверь с лицензионным электронным замком, распознающим рисунок кожи на ладонях хозяина. Автомат-пылесос, подчиненный центральному компьютеру, работает почти беззвучно, неустанно вытягивая пыль из всех щелей полов. Десятки холодильников в огромной кухне забиты всевозможными субпродуктами, колбасами, сырами, мясом, йогуртами, рыбой, сушеной, копченой, вяленой, а также фруктами, соками и напитками. Шкафы с отверстиями для протока воздуха заполнены коробками с шоколадом, печеньями, сухарями, картофельными чипсами, банками с паштетом, икрой, консервированной рыбой, крабами, овощами. Отдельный шкаф для чая и кофе всевозможных сортов высился в коридоре. Сундуки с пакетами кураги, миндаля, лесного ореха, грецкого ореха, фисташек, инжира вызывали у тебя особенно теплое чувство, они внушали уверенность в завтрашнем дне. Все это можно беречь долго. Всего этого богатства должно хватить тебе на несколько лет. Все-таки ты не Снежный воин, бедолага, которому в горах пришлось с голодухи кончать невинных сурков, зайцев, куропаток и тетеревов. Ты цивилизованный и культурный человек, который разумно позаботился о своем выживании, загодя поняв, что катастрофа неминуема. Он тот, кто стратегически распорядился своими банковскими сбережениями, потратив их на снаряжение дома и приобретение необходимых продуктов еще за год до начала тотальной атаки джусойных вирусов и бактерий. За месяц до катастрофы, пока люди соблюдали пиетет по отношению к прокурорам, армии и полиции, ты разведал путь к подземным складам ближнего супермаркета и принялся таскать запасы на своей заслуженной тележке чуть ли не днем, в открытую. И ни одна душа не посягнула остановить тебя по той простой причине, что на тебе был спецкостюм бойца подразделения биологической безопасности, служаки МЧС, создающего запасы для сил быстрого развертывания. Эту комфортабельную, надежно защищенную берлогу, хитро замаскированную под обычный кирпично-бетонный дом, кибернетическую крепость, оснащенную защитными устройствами, броней, решетками, оборудованную шлюзами, собственной электростанцией, с подземными помещениями, со скважиной для питьевой воды, с солидными резервами оружия, ты начал создавать, предусмо-

трительно разработав план, тщательно конспирируя все свои действия. Именно тогда ты почувствовал, что личина человека-бегемота коростой отваливается от тебя, а вместо нее нарастает густая шкурка оперативного рачительного суриката. И, слава богу, когда пришло время, ты начал трансформацию, подчиняясь тайным сигналам подсознания. Все-таки сурикат – существо с выдающимися способностями выживания и приспособления к среде. Одна из них – неустанные поиски самки-королевы для создания идеального логова. Вот что теперь движет всеми его силами, и он, конечно, далеко не убудочный червь, в критический момент замыкающий самого себя в подозрительный Инь-Ян, якобы для продолжения рода. Никто еще не видел, что вышло из ухищрений дерьмово-гумусного существа, не лучшего создания матушки Майи.

Бегемот рухнул в нем окончательно, когда он впервые увидел мостовую города, заполненную полчищами обезумевших крыс. То была невыносимая, невообразимая картина, в реальность которой глаза отказывались верить. Все улицы были наводнены серым пищащим живым потоком, хлещущим на асфальт из подвалов, арыков, сточных отверстий, открытых люков коллекторов. Войнства крыс, серых, черных, пятнистых, прибывали с каждым часом, истинно думалось, что разверзлись хляби земные, заработал рог изобилия мангусов – *Ие* нижних миров. Самым ужасным для потрясенных мирных обывателей было видеть, как демонические животные немедля, прямо на глазах превращаются в химер с зелеными и фиолетовыми отростками, торчащими из ушей и глаз. Стебли то ли гороха, то ли сои, то ли кукурузы бойко выползали из отверстий обреченных крыс, тормозя их оголтелое бегство, неуклонно обращая толпы павших животных в подобие нового чудо-юдовского огорода. Некоторые из отростков всего за час успевали вымахать в гибридное растение с признаками и сои и кукурузы, но только с тем отличием, что сей куст подавал явные признаки животной активности, он пытался двигаться и издавал мерзостный свист. Из зарослей в одночасье вызревшего растения-существа, метко названного словом джусойя, ошетилившихся желтыми стручками, с треском во все стороны летели зеленые увесистые ядрышки. Одна из шустрых горошин залетела в твой нагрудной карман. Она залегла там, как в берлоге, на сезонную спячку. Мгновенно вспомнив записи Странника, ты кое-что понял и осознал значительность происходящего. Невероятный бред, записанный корявым почерком на желтой снулой бумаге, мгновенно пронесся в твоей голове, и в ту же минуту ты вник в причину появления Странника на пороге твоего жилища. Вспоминается, он объявился тогда, как призрак. Ни слова не говоря, кинул холщовую суму прямо на дорожку и тотчас же канул, будто корова его языком слизнула.

Тот призрак предвестия недоброго, больше похожий на чучело огородное, с пепельно-жгучими зрачками, от которых тлетворно осыпался крошевом сам воздух, напугал тебя до удушья в горле. Будущее показало, что он оказался все-таки спасителем для тебя. Ибо в тебе нашлось достаточно разума, чтобы терпеливо изучить кипы бумаг, схороненных в дорожной суме. А выводы делало подсознание, принуждая тебя заранее принимать кое-какие меры. Ветхие листы сначала пришлось привести в порядок, кое-где укрепить канцелярским клеем, пронумеровать, привести в хронологическое соответствие с изложением событий, разложить аккуратно по папкам, тщательно прошнуровать шелковой ниткой.

Когда анналы сии приобрели божеский вид, ты углубился в записи, надеясь найти в них хоть какие-нибудь сведения о ней. Уйдя с головой в чтение, ты потратил на Реестр Малыша-утенка целый месяц. Поначалу сознание отказывалось верить в прочитанное, но там были наброски и о твоей судьбе, названа и Она как героиня печальных вздыханий, а это игнорировать уже нельзя было. Поразмыслив, ты уяснил причину начавшегося внутреннего спора с ним, Снежным воином. Отношения с ним оказались более чем странными. Похоже, ревнуя не на шутку, тем не менее он решил, что доверил ее тебе на время своей длительной командировки. То есть успокоил себя оправданием, что сдал жену в аренду по условному договору. И все-таки Странник считал, что истинным ее повелителем является Он, а тебе предназначается роль исполнительного арендатора. С этими терминами Малыш-утенок, похоже, был согласен, хотя, конечно, он не вполне понимал значения этих слов. Но Он-то разумел и знал, что договору рано или поздно придет конец, и она должна вернуться к арендодателю.

Как бы то ни было, твое сознание, пройдя дебри малышовских сплетений, не на шутку переболел чужим бредом, пришло-таки в себя, и ты начал готовиться к неизбежным переменам. Умом этого не понять, но, видимо, записи Малыша-утенка пробудили в тебе дремлющий инстинкт суриката, и ты стал готовиться к худшему. Первым делом приобрел защитный костюм с биофильтрами, снял деньги со счета и купил несколько квартир, в том числе на верхней и нижней площадке пятиэтажки, нанял бригаду рабочих, которым платил не жалея, и они вкалывали без лишних слов, как надо. Когда многокомнатные апартаменты на трех уровнях были более или менее готовы, доверенные люди заменили окна и двери, отдушины снарядили фильтрами, на крыше здания смонтировали солнечные батареи, провели провода к установленным в кладовках мощным аккумуляторам, в подвале пробурили скважину, поставили электронасос и протянули трубы в квартиру. Так твой дом стал вполне независимым от инфраструктуры города. Поскольку в городе был строительный бум и все лихорадочно скупали квартиры, занимались их переустройством, на твою деятельность мало кто обратил внимания.

Ты был, наверное, единственным человеком в городе, кто вовремя осознал опасность назревших событий и начал готовиться к кризису со всей серьезностью посвященного. Да, тебе повезло, ты был предупрежден Снежным воином. Затем пришло судное время, и зажавшаяся цивилизация неудержимо вверглась в гибель, агонизируя в хаосе небывалой катастрофы. Невиданные джусойные мастодонты табунами и стадами вторглись в городские кварталы, сметая все на своем пути. Мегapolis распался на жалкие острова. Очень скоро по окраинам и между островами джунгли разлились буйными зелеными проливами, кишачими жуткими тварями. К этому времени ты превратил свой дом в настоящую железобетонную крепость, наглухо закрытую для других, обеспеченную для долгого выживания в осадном положении. Нашествие живоглотов джугарного мира было столь стремительным, жестоким и масштабным, что человеческий мир ухнул в пучинную пустоту всего за пару месяцев. Уцелели лишь небольшие группы людей, которые успели вовремя забаррикадироваться в своих домах, подвалах, бункерах. Выжили еще сплоченные общины, сумевшие отгородиться от джусойи высоким железным забором. Со временем заявила о себе и каста привилегированных жителей небоскребов, которые переселились в бронированные башни еще до начала атаки.

Да, ты оказался счастливчиком. Когда черная джусойная буря вслед за стадами зулонов ворвалась в город, сея смертоносную пыльцу, грибки и споры, воющий компьютер загнал тебя в дежурку, закрыл ставни на всех окнах, заклинил двери, включил фильтры, моторы шлюзов, и твой дом немедля перешел на режим автономного существования. Через неделю, сделав первую вылазку, ты потрясся – твой дом оказался в неузнаваемом мире, увядшем, тихом, похожем на серо-бетонное кладбище, безмолвном, закрывшемся от леса высоченной цинковой стеной. Оказывается, тысячи людей погибли во время первой вирусно-грибковой атаки. Выжившие бедняги вынуждены были объединиться в корпус спасения, сколотить рабочие бригады, выбрать подходящих командиров. В свободное от наряда время новые рейнджеры, пытаясь опередить мародеров, рыскали по зданиям и подвалам в поисках оружия, инструментов, механизмов, горючего. Обыватели же были всецело поглощены укреплением своих домов, рытьем колодцев, срочно мобилизованные инженеры и электрики – установкой дизельных станций. Так в одночасье возник этот человеческий остров, отброшенный по уровню жизни на десятилетия назад, как и несколько таких же на территории бывшего мегаполиса.

Во время этой вылазки ты забрался на крышу дома, чтобы протереть солнечные батареи. Подобно командору Рыжику, с помощью морского бинокля внимательно осмотрел город. Захваченный джугарой, полумертвый город лежал мрачный, нелюдимый, словно шрамами перевитый лентами цинковых стен и густо опоясанный зелеными джунглевыми рукавами. То тут, то там столбами поднимались густые дымы тлеющих пожарищ. Ей-ей, уж очень не по себе было без прежнего знобящего гула моторов на улицах и проспектах, теперь стремительно зарастающих тростниками. Как в старые времена пятидесятых, отовсюду доносилось тарахтение и стрекотание допотопных дизелей, старательно добывающих ток для жителей островов. Впрочем, кое-где монотонно урчали моторы и вполне современных японских станций. Несколько фирм завезли эти механизмы за год до катастрофы. И как же они теперь пригодились! Все же невольно ты подивился тем чиновникам МЧС, которые сумели сохранить старые дизельные установки то ли на базах, то ли в складах, то ли на запасных путях локомотивных депо. Именно эти станции теперь выдавали основное электричество для горожан. Для этих машин, видимо, было конфисковано топливо на всем доступном пространстве бывшего мегаполиса. Что же станет с людьми, когда закончится горючее?

Этого вопросу населению мегабашен можно было не задавать. Эти мастаки неплохо устроились. Если островитян отбросило на век назад, то жителей цветных утесов из стекла и металла, напротив, занесло в будущее. Бог-стратег знает, по какой такой причине. И снаряжены были по последнему слову техники эти невероятные башни, от низа до верха увешанные силиконовыми батареями и чашами радаров. И исключительно только кибернетики, инженеры, военные спецы обитали в них, и оказались супер-здания оснащенными технопарками – и все, что было в них, пригодилось на своем месте, как будто их хозяева в магическое зеркало смотрели. Впоследствии не только ты, но и все островитяне убедились как в недоступности боевых небоскребов, так и в зловещей роли касты, закрывшейся от всего мира в них.

Башни были ограждены отнюдь не забором, а невидимым силовым полем, чутко реагирующим на приближение людей и животных. Лазерные орудия, установленные по периметру на всех этажах, на крышах, да еще на специальных

выдвигающихся платформах, открывали разящий огонь, как только электромагнитное поле обнаруживало вторжение чужака. Несомненно, гарнизон башен считал островитян зараженными джусойными вирусами, ибо никто из них не мог приблизиться к подножию небоскреба, не рискуя попасть под смертельные струи лазеров и мазеров. К тому же вокруг зданий имперцев и федератов, так их, в конце концов, назвали простолюдины, простирались минные поля. Здесь всегда невыносимо смердело разложившимся трупом какого-нибудь погибшего зулона или зубуйвола. Наставив окуляры морского бинокля на сверкающие мегабашни – всего их было девять, не считая исполинского черного – ты с чувством удовлетворения думал о том, что не один ты оказался технически настропаленным и предусмотрительным жиганом. Кто-то очень даже неплохо позаботился о себе, загодя выстроив эти военные бронированные махины, навешав на них лазерные пушки и локаторы, и этот кто-то, возможно, сейчас наблюдает за тобой не в бинокль, а через монитор войскового радара.

Со временем островитяне увидели, что боевые башни, расположенные группами по три на северной, южной и западной зонах бывшего города, все же неуклонно растут вверх к облакам. Это технологическое движение говорило не только об активности строительных роботов, но и логическом развитии цивилизации, окопавшейся в небоскребах. Когда же запылала кровавая война островов между собой, а также против отрядов бродяг-мутантов, совершающих набеги из джугары, люди увидели, что имперцы и федераты не хотят стоять в стороне. Их разведчики наблюдали за военными действиями с вертолетов и дронов, парящих в небе, нередко их боевые роботы ввязывались в драку без видимой причины, паля во все стороны пулеметами и кромсая клешнями солдат обеих сторон. Все это трудно было объяснить наличием какой-то политики или стратегии у командования башен. Как бы то ни было, и островитяне, и имперцы, и федераты такими действиями приближали конец человеческой истории. И это стало ясным как божий день, когда началась истребительная война между войсками главных башен – восточных и западных.

Мир изменился неузнаваемо, катясь к каким-то еще более пугающим переменам, словно мяч, прыгающий по волнам бурного порога. Трансформация мира произошла не за столетия, как предсказывали футурологи, а всего-навсего за несколько лет. Начало катаклизма странно совпало с появлением в городе Снежного воина. Иногда тебе думалось, что глобальную беду принес именно он, или, по крайней мере, спровоцировал ее, открыв краны джусойного отстойника. Кто теперь разберется во всем этом? Имеет ли смысл искать концы в этом кошмарно запутанном клубке событий? Во все времена религиозные фанатики и мрачно настропаленные мистики вещали, что конец света неизбежен. Прорицатели последнего века рисовали страшные картины, они грозили: светопреставление обрушится на грешный люд либо в виде потопа, либо глобального землетрясения, либо падения на землю огромного астероида, несущего энергию миллионов водородных бомб, либо взрыва сверхвулкана, способного пробудить темную эру нового ледникового периода. Однако все оказалось и проще и сложнее. Кто мог подумать, что погибель грянет на род человеческий с зеленым ядрышком, величиной с горошину? Что семя сие, попав в организм крыс, породит цепную реакцию необратимых, тотальных мутационных взрывов в природе, в результате чего вырвется на свободу это жуткое существо – джусойя

с видовыми свойствами растения, животного и гриба. Главное, – что объявились гораздо более неуловимые, активные убийственные мутанты: вирусы, бактерии, микробы, всевозможные мельчайшие паразиты и грибки, неотразимые твари – базовое оружие сил, которые решили покончить с жителями несчастной планеты. Такой вариант поражения гомо сапиенса не мог предусмотреть никто из людей, обладающих самым пылким воображением, даже сами ученые-биологи, подвизавшиеся на ниве генной инженерии и нанотехнологии. Тем не менее, это произошло именно так.

В долгих анализах, благо времени на это было достаточно, размышляя над прочитанными страницами реестра Малыша-утенка и хроник Старого и вечно одинокого, ты предположил, что некий безумствующий микробиолог-одиночка создал клон – гибрид сои и кукурузы. Получив тем самым небывалое и очень экспансивное растение, он решил усилить гены нового клона хромосомами крысы, существа, как известно, агрессивно живучего. Результатом весьма темных и секретных экспериментов стали вполне жизнеспособные семена – этакие перламутрово-зеленые горошины. Наверное, фанатик-ученый был на вершине счастья? Еще бы, получен образец культурного бобового растения с феноменальными свойствами размножения, плодовитость которого не поддается счету. Способного без всяких гербицидов самостоятельно сражаться с вредителями, и не только обороняться, но и использовать тела павших врагов как гумус для реактивного размножения. И ты живо представил буйное ликование маниакального биолога, уверившегося в том, что он решил историческую задачу окончательного искоренения голодомора на земле. А ведь на этой планете ежегодно от недоедания в муках умирают десятки миллионов несчастных, большинство которых, конечно, дети. Предположим, что он бредил примерно так: «Это агрессивное и феноменально урожайное растение само пойдет в наступление против голода. Семимильными шагами начнет оно продвигаться по континентам, завоеывая все новые плантации и поля, покоря даже пустыни и солончаки. Ведь крысы водятся повсюду, вынюхивая всевозможные лазейки для проникновения на неосвоенные территории». Далее, для вящей уверенности в жизнестойкости джусойи, придал ей генетическим путем свойства и гриба, чтобы растение могло развиваться в циклах эндемических организмов. В результате появился новый гибрид джусойи – джубуй-эндемик, способный годами пережить засуху под землей, а также распространять в хороший сезон по ветру семена в виде пыльцы. Эта химера, судя по записям, оказалась потрясающим созданием, она сама породила кучу гибридов, пыльца которых уже имела грозные и опасные качества...

Эксперименты по созданию аналогичных гибридов-клонов проводились в условиях сверхсекретности и на специальном полигоне – песчаном острове, окруженном водами огромного озера, практически внутреннего моря в самом сердце Центральной Азии. Однако то ли по причине того, что за полигоном неусыпно следили коварные агенты дремлющего противника, то ли одна из осемененных крыс случайно вырвалась на свободу (каким образом произошла утечка информации, это предстоит выяснить историкам), исходный материал – злополучная горошина, не контролируемая специалистами, оказалась в большом мире. Странник в записях мугалима представил свою версию причин глобальной

биологической катастрофы. Видимо, эта версия показалась ученым нелепой и фантастической. Нет ничего удивительного в том, что редакторы научных журналов с ходу перечеркнули самую возможность существования верховной личности биосферы – *Гайи-Анке*, воплощенной *Ие* земной матрицы. Издательства, научные, художественные, популярные, даже бульварные, дружно, словно сговорившись, с убийственными рецензиями отвергли рукописи Снежного воина, и ты, покоровшись судьбе, безропотно сложил все толстые папки обратно в дорожную суму. Ты не смог выполнить наказ Странника: во что бы то ни стало опубликовать хроники Старого и вечно одинокого. Озвучить мнение экзотического учителя не менее странных отпрысков, существовавших, вероятнее всего, в воображении бродяги, да еще в эру, когда драконов на свете еще не было.

В течение прошлого года ты все же неоднократно перечитывал бумаги Странника (для удобства ты его отождествил с мифической фигурой Старого и вечно одинокого). Многие страницы дневников ты уже знал почти наизусть, какой-то снедающий внутренний жар таки заставил тебя отсканировать изученные страницы, тщательно отредактировать их и скомпоновать в матерую убойную эпопею из пяти книг. Открыв сайт в Интернете, ты запустил этот невероятный текст в мировую информационную сеть, чтобы люди сами могли познакомиться с трудами мугалима и вынести о ней справедливое суждение. И несколько не удивился, когда обнаружил, что твой сайт в Интернете взломан и безнадежно испорчен каким-то хакером. Ты вновь открыл сайт, и опять нашел его в негодном состоянии. Тогда ты занялся программированием, стремясь создать надежную защиту для многострадального сайта. Со временем сей текст стал для тебя как бы собственным, родным. Пришло время, когда ты допустил, что он, скорее всего, является в какой-то степени твоим творением. С этого момента он стал чем-то вроде смыслового центра твоего существования в джугарном мире, и ты принял это с той же покорностью, с какой когда-то принял Ее как властительницу своего мира. И вот теперь с тобой этот желтый призрачный голос, льющийся с полей мятущихся тростниковых страниц, невидимым жаром прожигаящих кишашее молью сукно сумы.

Ты отхлебнул порцию горького кофе. Опять неудержимо потянуло смотреть на Собеседника. Тот сидел мрачный, нелюдимый, вороном нахохлившись в разворошенном гнезде своего бреда. Палящего пустынного цвета щеки отвисли вниз, сивые усы показывали полный штиль, коричневая кожа на скулах обмякла жухлыми складками – явные признаки либо пучинной дремы, либо блужданий во тьме сомнений.

Собеседник появился в твоём доме гораздо раньше Странника. От этой манифестации так и повеяло атмосферой Реестра реестров. К этому моменту Она уже несколько лет бредила только им – блудным и потерянным скитальцем. Ты предвидел, что она неизбежно приплывет к этой мутной заводи, и неплохо подготовился к тяжелой полосе в своей жизни. Поначалу она всячески избегала говорить о нем, и поэтому первые годы совместной жизни катились, как сыр по маслу. Покупали новую мебель, электронику, коллекционировали посуду, за счет площади съехавшего соседа расширили квартиру, занялись ремонтом и дизайном новых апартаментов. Потом пошло-поехало, тебя втянуло в интересы жены: оранжерея, кактусы, орхидеи, бегонии, библиотека, компьютеры, лазер-

ные диски, Интернет – этой суете ты отдавался всей душой, лишь бы потрафить ей. Чутьем бывалого бегемота, обитателя распаренных гиацинтовых болот, ты знал, что дух неистребимого противоречия – *кесир* живет в ней, изнеженном создании, облаченном в шелка и муслин. Странник же никогда не церемонился с ней. Подгоняемый демоном бродяжничества, словно перекаати-поле носился он по буеракам бушующего мира, подолгу оставляя ее в одиночестве. Его последняя одиссея затянулась на долгие годы, мучительные для молодой красивой женщины. Так что человек-бегемот (ты криво усмехнулся, прислушиваясь к звучанию старого прозвища, данного тебе Странником) в данной ситуации выступил как полномочный спаситель.

В первые годы совместной жизни она, обогретая и обласканная тобой, видимо, из чувства мести к нему и признательности тебе отзывалась о бывшем муже чуть ли не в самых крепких казарменных выражениях. Он, дескать, такой-сякой, упертый эгоист, самодур, кондовый бай, японский самурай, цыганский барон! Однако исподволь в ее душе происходила бессознательная перетасовка мотивов, как будто стрекальные *Ие* женской души незаметно меняли пластинку внутреннего монолога. Все реже и реже допускала она хлесткие и резкие выражения в адрес Странника. Нет-нет да прорывалась в ее голосе нотка грусти, поначалу совсем тонкая, неощутимая, но с годами уже заметная. И однажды в ее глазах ты увидел признак зрелой ностальгии, ночная влага начинала трепетно мерцать в ее зрачках при упоминании имени мужа. Сам дьявол, знаток женских душ, не разобрался бы в том, что тогда происходило в ее сердце, схваченном цепкими когтями снедающих воспоминаний. Внезапно в один прекрасный день она решила устроить капитальную уборку в запертой квартире бродяги. И ты нехотя с темными предчувствиями потащился за ней в проклятую берлогу недруга. Надо было участвовать в ее прихотях, отслеживая психологические маневры женщины, чтобы не проморгать момент кризиса.

Уже в те дни далекого прошлого в тебе зародился стратег, хладнокровный, расчетливый, настороженный, словно пес. Именно этот стратег и внушил тебе тактику чуткой осторожности – не приведи господь нелестно отозваться об ее бывшем муже, пытаясь снизить или тем более – опорочить сей образ в ее восприятии. И ты затаился в тростниках выжидания, словно гиеновая собака – мастер долгой охоты. Интуиция подсказывала тебе другое поведение – напротив, ты должен всячески хвалить соперника, возвышать его, не жалея меда и эпических красок. И ты не жалел слов, произносил панегирики, мифологизировал неприятную тебе фигуру. Расчет состоял в том, что ты должен был добыть двух зайцев: во-первых, заработать авторитет великодушного человека, во-вторых, вознести его на высокий пьедестал ложной славы, с которой сей истукан рано или поздно должен был сокрушительно низвергнуться по закону действия противоречия в женской душе. Ты полагал: чем больше будешь заботиться о ней, окружая лаской, чем энергичней нахваливать пустую фигуру, досаждающую горечью, тем сильнее однажды откачет ее к тебе, бегемоту, надежному как Ноев плот в море бытия. В казалось бы совершенно безошибочном расчете с самого начала зиждился верный план. И он, ей-богу, сбылся бы по всем пунктам, если бы не вмешательство Редактора.

Наверное, это было предусмотрено кодами Большого реестра, иначе, чем объяснить внезапное появление злополучного Редактора? Сей закулисный, весь-

ма сомнительный фигурант сделал ход конем и поставил мат многоопытному, терпеливому бегемоту, поднаторевшему в маховых психологических играх. Но об этом подробнее чуть позже.

Поход на фазенду Странника открыл новую знобящую страницу в осени твоей жизни. С горечью ты убедился, что она нехотя выпускает тебя, нежеланного свидетеля, на сцену своего душещипательного интима с героем горьких, но, тем не менее, трогательно романтических вздыханий. Ей по-прежнему было дорого ее убогое гнездышко, где она едва не надломилась сердцем от невыносимого одиночества, где немые стены всё еще несли печать ее проклятий и бесконечных слез. Эта была обычная двухкомнатная хрущевка, уже охмуренная силами тленной тьмы, молью, тараканами, мокрицами, мхом и ползучей плесенью, заселенная призраками путей-дорог, накрененная над пучиной другой вселенной. Однако ты должен был придерживаться избранной тактики, поэтому без лишних слов взял командование в свои руки: призвал бригаду ухарей-рабочих, показал им фронт работ, тряхнул мошной, и работа закипела. Шабашники отскребли стены от старых обоев, залевкасили как следует, навели лоск на паркет, поставили новые двери, окна, заменили сантехнику, занесли новую мебель. Чтобы она была довольна и оценила твои усилия, ты оплатил многолетние коммунальные долги Странника. И что же? Ты заработал на целый день нежность и сияние ее очей, и у тебя вновь трепетало в груди дрожью неземных ночей. А вечером она сочувственно прижалась к тебе, и ты на самом деле оказался на волосок от счастья.

На следующий день, немного подумав, ты зашел к соседу Странника, алкашу Алику, костлявому, злому, почерневшему от приступа неистовой ругани в адрес судьбы, властей, КСК, родичей, убежавшей жены. Алик как раз собирался поставить табуретку под люстру в кухне, заготовив поясной ремень в виде петли. Слезы моментально высохли у бедняги, когда он увидел толстую пачку зеленых бумажек. На следующий день, подписав документы, он укатил в Сибирь к бабке Мане охотиться на барсуков. Ты вновь призвал бригаду ухарей, те повторили предыдущую операцию и с этой квартирой. В итоге через полгода она любовалась четырехкомнатными покоем, излучающими лоск евроремонта. Не мешкая, ты сдал квартиру ушлым иностранцам и на вырученные деньги открыл счет в банке на имя Странника. Согласитесь, даже на скептический взгляд, это был шаг благородного человека, мыслящего широкими масштабами. Еще бы, Странник был теперь обеспеченным человеком, имея счет в тростниковом банке и шикарную квартиру в центре джугарного города.

Итак, на долгий срок и душой и телом она была твоя. Тебе бы жить дальше с приятным чувством победы, если бы не неожиданная манифестация злосчастного Редактора.

Тем не менее, симптомы старой болезни наметились гораздо раньше. Заметив их появление, ты с упорством отрицал их, намереваясь сохранить с таким трудом завоеванные позиции. Имя мужа как-то вырвалось у нее в спальне как молитвенный повтор. И ты с тягостным изумлением увидел, что по-прежнему она настроена идеализировать и всячески возвышать образ того мужчины, и в этом ее стремлении ощущалось что-то фанатическое, болезненное. Все твои заслуги

оказались забытыми. Теперь она в странных, непонятных поступках мужа, в его замкнутости и экстравагантности находила что-то возвышенное, таинственное, выходящее за пределы разумения обывательской женской души. «Вот тебе и юрьев день, – однажды с изумлением сказал ты сам себе. – Каков наш герой? И швец и жнец – наш делец! И квартиру заимел, и депозит в банке, и жену, кукующую по нему в чужом гнезде. Наш пострел везде поспел!»

Потрясенно размышляя о возможном торжестве Странника, пропадающего в неизвестности где-то за хребтами Снежных гор, ты вспомнил пророческие слова некой старой цыганки, услышанные тобой как-то в лабиринтах барахолки, где в дыму *адраспана* маялись знахари, то шепотом, то криком подзывая своих охмуренных жертв: «Никогда ни при каких обстоятельствах женщина не забудет своего первого мужчину, тем более – мужа». Как в магическое зеркало смотрела старая карга, в справедливости ее слов тебе пришлось убедиться на примере собственной хозяйки. Все сильнее меняла ее колдовская трансформация, поворачивая лицом к ветрам неверной судьбы. И однажды ты ясно увидел, что телом она пребывала с тобой, душой же была с Ним, мужем. И ты невольно подивился дьявольской изворотливости Странника, сумевшего раздвоиться и таким образом усидеть на двух стульях.

Ты мог бы встать в позу, громко заявить о своих правах, напомнить о своих немалых заслугах, стукнуть, в конце концов, кулаком по столу. Однако стратег в тебе тотчас ожил, он напомнил тебе об оранжерее возле Ботанического сада, предостерег от слепой запальчивости. Он сказал сухим голосом Собеседника, ветшающего посреди кукурузного поля, что таким образом ты только подтолкнешь ее в объятия Странника. Стоит тебе хотя бы на йоту выдать признаки ревности, как моментально потеряешь всё в ее глазах. «Будь мудр, учись у суриката, покажи ей, что ты поэтизируешь Его», – услышал ты голос тростников в ушах и дальний гул бескрайнего поля. Вот с этого шелестящего шепота осыпающихся стеблей началось твое безумие, которое затеяло свое победное шествие и в итоге привело к Собеседнику – столпнику, юродствующему прямо посреди подсолнухового поля.

Это все происходило задолго до катастрофической атаки джусойных и джубуйных тварей. Твоя игра в благородного, великодушного мужа, от всей души балующего молодую жену, зашла слишком далеко. Он стал центром вашей духовной жизни. Ты со снисходительным терпением выслушивал ее пылкие монологи, объектом которых был Он, сочувственно кивал головой, задавал наводящие вопросы, выяснял интимные детали, вздыхал сокрушенно, переживая почти искренне, утешал ее сентенциями народной мудрости. Когда она оказывалась в когтях черной ностальгии, водил ее по театрам и музеям, покупал биологические энциклопедии, старался вытащить ее в лес или горы, чтобы она стряхнула с себя наваждение навязчивого бреда брошенной совковой Пенелопы. Ты был настолько предупредителен и щедр, что организовал для нее рандеву с его родственниками, устраивал пикники под теми же кущами, которые некогда посвятил ей Он. Набравшись мужества, ты поехал на его родину, чтобы увидеть те самые знаменитые мазанки, пропахшие арбузами и дынями, прогуляться в легендарном саду антоновок и ранеток, постоять возле дедовского дома с мансардой, заночевать в шалаше на краю несметного поля-джугары. На рассвете твоя душа бежала к реке толпой кукурузных мальчиков и девочек, а на

закате ковыляла к ночлегу ветхими стариками-слепцами. Все эти неповторимые ощущения ты пропустил через свое испепеленное согбенное сердце. Ты плакал на могилах Его родичей, снял камерой все заветные места его детских игр, записал истории о детстве и юности у людей, которые еще помнили его, со всем этим лирическим багажом ты вернулся к ней с новой надеждой. Но не тут-то было! С истомленным пустынным сердцем она все это выслушала, но душа ее была изъязвлена такими знойными ранами, что ты ясно увидел, что твои старания – это просто детский лепет. Тогда ты с упорством кабана вспахал поле его библиотеки, покорил хоженные им когда-то горные тропы. Затем научился работать на разных станках, поднаторел в умениях механика и электрика, подружился с местными уфологами и йогами, прочел сагу Марселя Пруста, устроил на ферме сад камней, и делал все это с огоньком, пока не осознал, что прикочевал к безумству под именем – путь Странника. И еще многое пришлось освоить тебе ради того, чтобы однажды вспыхнул огонек интереса в прекрасных очах камышовой лани. Лет пять ушло на то, чтобы освоить забег на двадцать пять километров – самый трудный экзамен, устроенный тебе тенью Странника. Теперь по воскресеньям, вместо того чтобы отлеживаться в теплой постели, ты с рюкзаком за спиной карабкался по каменистым кручам или несся налегке по краю шоссе, накручивая километры, или участвовал в тусовках длинноволосых художников и пиитов, удивляя их своими познаниями. Однажды, подойдя к большому зеркалу в спальней, ты критически взглянул на себя и немало удивился, еще бы – на тебя иронически смотрел моложавый, сухопарый незнакомец, этакий поджарый степной пес с холодным, снежным блеском зрачков. От неуклюжего астматика-бегемота и следа не осталось. Особенно тебе понравилось то, что твои карие зрачки не прыгали туда и сюда *по-коянски* и не уползали в сторону испуганными слизняками, они смотрели твердо, даже как уверенно. В тот вечер ты расположился в своем любимом кресле у окна. На этот раз ты сразу смог занять позу с прямой спиной, с ладонями в открытой мудре, со скрещенными ногами в падмасане. И пранаяма пошла как надо, как следует, ведя к заветной цели – медитации на пустоту. Но ведь так делал, судя по ее рассказам, Снежный воин. И ты чертыхнулся, пытаясь выйти из транса, но мускулистая пустота уже не пускала. Ты очнулся часа через два и услышал, как она, проходя мимо тебя в спальную, доверительно предложила: «А не поехать ли нам завтра за город полюбоваться цветущими вишнями?»

И ты подумал, что ничего с этим не поделаешь, фатализм призрачной собачки под крыльцом косматого дома, привыкшего к фантазмагориям мерсов и опелей, ягуаров и тойот, мотающихся туда и сюда, все же лучше, чем отчаяние революционеров-барсуков, кондовых обормотов, задумавших очередное освещение джугары-поля. Лучше всё принять, как оно есть, может быть, куда-нибудь вывезет кривая удачи? Все-таки женщина-олениха была рядом с тобой, по утрам ты ощущал ее живое тепло, вибрации ее грудного контральто ласкали твою душу. Разве это мало для забубенного бобыля со стажем бездонного одиночества? Тем не менее, бес водил тебя по своим полям, подталкивая к краю пропасти. Ты хотел знать о нем все. Вы могли часами обсуждать его поступки, анализировать его характер, проследивать генеалогию, копаться в извилах его причудливого релятивистского ума, невероятным образом существующего и там и здесь, и

прошлом и в будущем. Дотошно допытываясь до мелочей, ты всё больше заражался бактериями его туманной судьбы. Неожиданно в твоём тембре появилась характерная хрипотца, присущая его голосовым связкам, однажды ты увидел, что беспричинно прихрамываешь на правую ногу, пришлось заказать тросточку, точно такую же, разумеется. Ты несколько не удивился, когда у тебя появилось маниакальное желание заказать портрет Странника. Сказано – сделано, портрет ты повесил на самом видном месте в гостиной. Теперь ты без помех мог любоваться его физиономией с запавшими пустынными щеками, со зрачками волка-бирюка, со скулами и челюстями, словно закаменевшими в диком упорстве. Да, этот мулат точно мог метнуть трезубец в окаянную бабу или выйти с самурайским мечом один против стаи волкопсов.

Все эти превентивные меры иррациональным образом подготавливали появление Собеседника, ты это ясно почувствовал, когда впервые увидел столпника посреди подсолнухового поля. Также, когда твой ум несравненно возмужал, ты понял, что в твоей неряшливой судьбе, катящейся вниз, словно брошенная на склоне телега, появилась цель. Необъяснимым образом соперничество с тенью Странника воспитало в тебе воина, привило новые навыки мужества и дисциплины. Внешне ты тоже изменился, заматерев сухопаро, словно азиатская овчарка, бдительно ловящая звериные запахи в степи. В твоих глазах появился жесткий блеск, движения стали энергичными, сильными, теперь ты сознательно искал трудности, чтобы натренировать тело и душу посреди несметного поля-джугары на краю тигриных троп. И однажды на какой-то толкучке в Бишкеке, повинувшись внутреннему импульсу, ты за бесценок приобрел у таджикского цыгана брезентовый плащ, хорошо прошитый, непромокаемый, разношенные кирзовые сапоги, брюки-галифе, френч образца сороковых годов, войсковой противогаз и саперную лопатку. Лопатка была даже как хороша, остро наточенная, увесистая, удобная для кистей, она притягивала взгляд мужчины, знающего толк в оружии. Ею можно было рубить с размаху, как топором, а также пилить, так как боковые грани были глубоко зазубрены. В тот же вечер, облачившись в сей полевой наряд, ты прошелся по гостиной вперед и назад, прислушиваясь к шороху брезента. Плащ был изготовлен мастером своего дела, понимающим, что такое холодные дожди в горах осенью, материал на плечах был двойной, а капюшон, накрывающий всю голову, с непромокаемой изнанкой. Плащ тут же притерся к тебе, освоился без лишних слов, он понял твою душу и сказал по-своему призрачным голосом: «Едреня феня, что ты делаешь в квартире? Давай пойдем в горы». И ты понял, что голос Странника глубоко проник в твою душу, он колдует над тобой, работая вроде инерционной системы, и чем больше ты боролся с ним, тем сильнее оплетал он твою волю. И ты улыбнулся мудрости прозрачной собачонки, фаталистки, достигшей великого просветления, кропя светлыми слезами под крыльцом занемогшего дома, уставшего тащить за спиной проклятую ядерную зону, кишмя кишашую головастиками-людьми.

Когда-то ты полагал, что все это делаешь для нее, дабы утешить ее ностальгически изъязвленную душу, куда влетали и вылетали совы и филины, гугукая и угугукая как придется, словно в ночном лунном лесу, но теперь, трансформировавшись исподволь в Снежного воина, ты открыл кое-что другое. Ты воочию увидел, что Странник дал-таки хорошего пинка в жирный зад сонному человеку-бегемоту. Тем самым он приглушил растущую в ее душе колючку неприязни.

А ведь даже дураку известно, что там, где проклянулась нелюбовь, жди пышный цвет ненависти. Также не только богу ведомо, что ненавидеть в основном умеют женщины именно типа олених. Как в чистом воздухе, нуждалась она в присутствии в ее жизни размахистого героя. Вот и моталась в непонятной тоске по садам и огородам, не понимая, что уже изрядное время в сновидениях трубным голосом спаленной оленихи зовет-ищет джубуйного самца с огненными глазами и ветвистыми рогами небесной свободы.

Она была такой, единственной и неповторимой, и как-то осенним промозглым вечером, ужаснувшись от мысли, что можешь потерять ее, ты поклялся во что бы то ни стало добиться от нее душевной привязанности. К этому моменту ты уже был неплохим аналитиком, ощущал в себе токи недюжинной интуиции, держал нос по ветру, предощущал информационную эру, начал тотально сновидеть и во сне заметил фигуру кондового биолога, экспериментирующего со спорами грибов, семенами кукурузы, сои и спермой крысы. Так что твои превращения, вынужденная трансформация в двойника Снежного воина были направлены на то, чтобы так или иначе удержать ее возле себя. И все-таки однажды она ушла. Она исчезла из твоей жизни, оставив смятение, рой безответных вопросов и ощущение непоправимой потери.

«Почему она ушла?» – в который раз спросил ты у Собеседника, но тот в свойственной ему манере сумрачно ухмыльнулся, словно намекая на то, что в ответ он должен пересказать весь роман от начала до конца. И ты понял его. Не стал настаивать. Речь Собеседника была даже опасна, ибо ее остановить было бы нельзя, лавина хаоса могла хлынуть в неизвестном направлении. Ведь Собеседник был существом полноценно джугарным, принадлежащим Хаосу всеми фибрами своей души и естества. Его речь могла бы пробудить джубуйных и джусойных тварей, привлечь внимание кабанов и тигров, сов и филинов, волков и волкопсов, крыс и крысопауков, а также несметную рать моли и лжескорпионов, с их членистоногим движением и гулом мшистых крыльев, напрочь разваливающих вселенную на добро и зло. Его слова тотчас воплотились бы в грандиозный беспорядок, и никакая баба, пусть даже полномочный вселенский ассенизатор, не смогла бы очистить поле и вернуть слова в изначальный Реестр. Ты вновь осмотрел Собеседника. Во всем его облике совершенного кукурузного мыслителя, в позе, в каждой линии и штрихе законченного портрета сквозили немислимая отрешенность и свобода, обнаженное единство света и тьмы.

«Как ты вырос, однако» – неодобрительно пробормотал ты, качая головой. Надо бы найти что-нибудь такое, увесистое и швырнуть в Собеседника, не скрывается ли за ним тень проклятого охламона, любителя морочить голову продвинутым ученым. Поблизости ничего подходящего не нашлось, и ты тотчас вспомнил, что за креслом соломенного истукана давно уже тлеют, переходя в прах, десятки тапок и чернильниц, карандашей и пеналов, книг. Там также лежали любимая грелка, пластмассовые бутылки и стаканы, пивные жестянки, цифирные дощечки и таблоиды, ревун оглашенный, сморчок короткобрюхий и несколько висельников торчковых. Все эти вещи в свое время были метко и с силой брошены в лицо Собеседнику, чтобы остановить его жуткую речь. Другие, напротив, чтобы прервать его нечеловеческое молчание. Все они в совокупности говорили о твоём отчаянии, об одиночестве, над которым время поднялось хмарным кустом тьмы.

На какую-то минуту физиономия Собеседника прояснилась, и его зрачками на тебя пронзительно глянул Редактор, одетый в черную имперскую униформу со значком члена Совета. «Свят, свят, бисмилла» – шевельнул сухим языком ты, отодвигаясь от страшного лика мучителя-инквизитора.

Собеседник обладал великим терпением, породненным с пронизательностью. Там, в диком поле, будучи лишь чучелом-столпником, в пучине джугарных превращений дней и ночей, под снегом и дождем, под вороний грай, хай-вай лисиц и шакалов приобрел он эту нечеловеческую стойкость и терпение, в сию же минуту постиг он смысл иллюзорности явлений бытия и небытия. И этот его опыт, совершенно немыслимый для тебя, пропастью разделял тебя и его, и это была истинная граница. Еще бы! Пробовал ли кто-нибудь из людей выдюжить, десятки лет выстаивая на шесте торчком посреди открытого поля, под солнцем и звездами, несчетные дни и ночи, в жару и в холод, в снег и дождь под непрестанными ударами ветра, уставшего тащить за собой недужное небо, перхающее громами и выплевывающее шматки облаков? Такое никому и не снилось!

Однажды пустота ясно сказала тебе, что твоя любовь к женщине-оленихе ввиду своей безмерности глубоко трагична, ибо основана на привязанности к иллюзорному объекту. «Нет, не обманному, а еще как реальному», – лихорадочно возразил ты, поглядывая на поясной ремень, знаком вопроса скрутившийся на ближней табуретке.

Она была реальна, поэтому саднящей болью врезалась в недра памяти, засела тембром своего голоса в глубине твоих клеток, разлилась в мозгу нетленным эликсиром, который теперь ничем не вытравить. Она была единственной такой и неповторимой во вселенной боли, ее глаза смотрели чистотой лесного оленьего озера, заросшего звездами и цветами, в голосе звенели хрустальные родники, на берегах которых сияли одни только Марьины корни и кукушкины слезы. Она была невыразимо грациозна и в движении и в покое, прирожденная олениха – камышовая лань, призванная трогать сердца несказанной красотой черно-махровых глаз, чутко вопрошающих о жизни и смерти у тигриных зарослей, а также прелестью танцующего шага.

Кто из обычных женщин способен зимой любоваться кактусами, весной – цветом пурпурно осыпающихся вишен на тихих горных склонах, кто обладал столь великим терпением растить карликовый дуб, сердечно беседуя с ним каждый божий день? Кто мог заваривать такой чай, настоящий лепестками пиона и липовым цветом, бахромой душицы и пестиками мяты, тычинками ромашки и стебельками незабудки сиреневой, чай в темной медовой чашке, любовно согретой шерстяной рукавицей? Кто из городских женщин мог так изысканно вкушать сей чай, выйдя из ванной, в розовом японском халате, накинутом на забытое нагое тело? Вы знали таких особ?

Она была особенной, утонченной во вкусах, избирательной в мелочах, природной художницей, наделенной чувственной эстетикой. И тебе эти ее качества очень нравились. Ты считал, что женщина должна быть возвышенной и одухотворенной во всем. Ради такой избранницы уважающий себя мужчина ничего не пожалеет. Другой женщине ты не простил бы хотя бы кое-какие излишества в просторечной лексике или экзальтированность в отношении к любимым актерам, или эту странную тягу к обильным мясным блюдам, но ей все шло и непонятным образом украшало, придавая дополнительный шарм. «Как ты исхитрилась стать

такой, ведь ты обычная казашка из кондового аула, этакая Мурсипа окаянная», – не раз потрясенно приговаривал ты, наблюдая за ее маневрами.

Редактор сверлил тебя недоверчивым взглядом, утяжеляя сумерки вечера глыбистой фигурой. Тени собирались в слои, наделая вековой тяжестью складки пепельных штор. Воспоминания ворохнулись в душе, далекая осиновая роща оседала под осенним дождем, роняя сизые капли на мокрую траву. Когда это было, и в этой ли вселенной – явление в ауле городской девочки Майи, принесшей с собой музыку, неземной танец? Но с этим чуть погода. Ты вполне способен справиться с воспоминаниями какой угодно силы – так ты считал, оглядывая себя взглядом Собеседника. Иначе ты не сидел бы сейчас в этом кресле, и вообще не дожид до этого вечера муссонного дождя, ты давно кончился бы, пригвожденный когтистой лапой черной депрессии. Разве не так? И эта табуретка совсем не случайно палаческим пнем торчит здесь в твоём кабинете как напоминание об отчаянии на третий день ее ухода. Тогда ты уже приготовил поясной ремень Алика, но он не пригодился, как и треклятое лезвие злосчастному Жану, приготовившемуся прыгнуть в преисподнюю.

«Это случилось вскоре после появления Редактора», – пояснил ты, взглянув на Старого и вечно одинокого. Тот согласно кивнул головой, шляпа его, сформированная тучей моли, сама по себе нахлобучилась на изъеденное сумерками лицо. И ты тотчас вспомнил, что олигарх был в длинном кожаном плаще а ля СС, кепке такого же фасона, скрипучих перчатках. Двигался он, несмотря на гравитацию тучного тела, весьма пружинисто, словно перекатываясь на шарнирах. Весь он как бы состоял из мясисто-розовых шаров, выпирающих из черной лоснящейся дорогой униформы. Прикатил Редактор в шикарном бронированном лимузине, напугавшем население всего квартала. За автомобилем с ревом катил эскорт мотоциклистов в футуристических шлемах, скрывающих физиономии заядлых мордovorотов. Зачуханное население тихого квартала никогда не видало в опасной близости такое чудо-юдо, то ли Кадиллак, то ли Роллс-Ройс с такими причиндалами, как спутниковая антенна, компьютер, телевизор, датчики расстояния. Внутри этого длиннущего лимузина запросто можно было заблудиться какому-нибудь чуланному дяде Ване или трущобному Сан Санычу. Впрочем, они, забулдыги и бомжи, тотчас дали деру, полагая, что за ними прикатила наркологическая служба мэрии.

Даже тебе, тертому калачу, бывалому чиновнику-ветерану, стало не по себе, когда ты узрел на пороге своего оробевшего жилища означенного фюрера, несущего с собой ощутимые миазмы железного порядка. Огромных трудов стоило тебе не вскочить, вытянуться во фронт, не щелкнуть коваными каблуками в вящем служивом раже. Такое впечатление произвел на тебя Олигарх. Что делать, в каждом из нас, прошедшем огонь, воду и медные трубы, живет тенью то ли ефрейтор, то ли капрал, то ли нижний гражданский чин – Акакий Акакиевич. Господин в черном милостиво кивнул вам, подскочившим со своих мест, проплыл к дивану и плюхнулся туда всем своим весом государственного человека. Щелкнув пальцами, он подозвал вас сесть поближе и затем, не представившись, запел неожиданно тонким и слащавым фальцетом. Выслушав его напыщенную пространную речь, обставленную риторическими фигурами, исподволь намекающую на грозное и карающее величие тех, кто наверху и кто все знает, ты не

на шутку задумался. И было с чего! Банальная история про ее бывшего мужа – хронического неудачника, бродягу, кинувшегося в бега, распалась на глазах, словно карточный домик. Вместо нее стремительно выросал новый и опасный миф про хитроумного Персея. Оказывается, как подчеркнул господин, Странник был агентом 6-го спецотдела безопасности, сотрудником тайных государственных служб, созданных для особых целей разведки, сбора информации в экстремальных условиях. Многие годы он выполнял свою миссию под маской журналиста посещая разные страны. Затем после специальной психологической, профессиональной подготовки был направлен на территорию бывшего ядерного полигона для изучения специфической аномальной зоны, образовавшейся, судя по всему, после серии мощных подземных взрывов.

– Как это, зона? – невольно вырвалось у тебя.

– На инфракрасных снимках, сделанных с космоса, Зона выглядит темным пятном, очертаниями напоминающим дракона. Масштабы пятна огромны, занимают тысячи квадратных километров, – господин одарил тебя снисходительным взглядом. Глаза его маслянисто блестели, он открыл для себя красивую женщину и как ценитель красоты определенного типа настроивался на созерцательный лад.

– До него в Зону были посланы несколько агентов, в том числе одна женщина, и никто из них до сих пор не вернулся, – продолжал Редактор. – Однако по последним данным мы можем подытожить, что Он выжил. К сожалению, он сильно изменился, так сказать, вышел из-под контроля Отдела. Его действия зашли настолько далеко, что мы вынуждены принять особые меры предосторожности. Дело в том, что в Программе появились непредсказуемые нарушения, началась цепная реакция сбоев. Одна из них заключается в том, что я сижу перед вами и раскрываю совершенно секретную информацию. Наверное, вы понимаете, что с данного момента, хотите этого или нет, вы вовлечены в наш план.

Она всё еще была в шоке, охала и ахала, прижимая пальцы к бледным вискам.

– Почему вы не сказали этого раньше? Всё-таки я его жена, должна была знать?

– Да, действительно, почему молчали? Семья же... – бессвязно промямлил ты, ощущая себя как бы придавленным тяжелым взглядом господина, высокопоставленного сотрудника 6-го отдела.

– Мы и должны были молчать, – отрезал Редактор. – Это была наша работа, мы всегда так поступали. И так продолжали бы, если бы не нарушения в Программе. Но он выжил, побывав в Зоне. Он сейчас владеет чем-то таким, что представляет собой абсолютный информационный интерес для Отдела. К сожалению, он не подконтролен нам, а главное, в данный момент быстро продвигается к городу. Самое большое дня через три он окажется у цели. Мы полагаем, он направит стопы сначала домой. Квартиранты, конечно, предупреждены. Следовательно, он непременно появится здесь, чтобы заявить права на жену и свою жилплощадь.

– И что же? – вновь вырвалось у тебя.

Руки твои мелко дрожали, господин же, видя твое смятение, самодовольно ухмылялся.

– А вот что! – Редактор вынул из кармана плоский черный предмет, нажал на мелкую кнопку и ловко пристроил штучку под доской журнального столика. –

Будет непростительной глупостью с вашей стороны прогонять Странника. Он должен войти, а вы – разговорить его. Чем больше он скажет, тем лучше для вас – все запишется устройством. Сделайте все, чтобы он остался и излил душу. Вот что требуется сейчас от вас, понятно?

Господин угрожающе посмотрел на тебя, зловеще пожевывая пухлыми губами. И ты тотчас понял, что твои зрачки такими шальными *коянами* скакнули прочь. А душа понеслась в темные подворотни, ища пивные забегаловки – вдруг перед тобой Сыч, которого дюже ломит с похмелья. Наконец олигарх покинул твое жилище. В углах комнаты выявлялись тени смуты, ты безмолвствовал, оглушенный неожиданной новостью.

– Какая же я дура! Измывалась над ним, устроила ему настоящий ад. Он всё терпел. Ни слова не сказал, ничем не выдал, что агент 6-го отдела, выполняет задание государственной важности. Какая я эгоистка, слепая дуреха, ничтожество! Вдобавок ко всему предала его, война, можно сказать – кинула на поле битвы. Нет мне прощения! Кто я такая после этого и что делаю здесь? – она металась по квартире, беспомощно потрясая кистями, бросая на тебя сжигающие взгляды. Какое-то время она была с тобой, но ты ясно видел, что перестал существовать для нее.

Предчувствие неизбежной катастрофы овладело тобой, нашептывая голосом тьмы самые мрачные сценарии. Еще несколько дней она, как обычно, моталась по своим женским делам, пропадая то в бутиках, то в супермаркете, то на рынке. Но пронизательный взгляд без труда заметил бы, что внутренне она сконцентрирована на чем-то ином. Ее душа уже следила за горизонтом восточной дороги, сердцем уже перешагнула через порог твоего дома. Душой она уже стояла на обочине той самой тропы и ждала, покорная судьбе, своего Одиссея, властелина поместья. И даже смерть не остановила бы ее – женщину-олениху, почуявшую ветер странствий, соленый бриз перемен. И однажды утром, не найдя ее рядом с собой в постели, ты понял всё: призрак одиночества волком стоял над твоим пустынным кровом, запрокинув морду к луне. Она ушла, остывший холодный воздух слоился снежным туманом. И тогда, колотя кулаком по ребрам кровати, ты заорал: «Я верну ее! Будь я проклят, я верну ее!»

И ты остался один, как перст, в огромной квартире, битком набитой теперь уже ненужными, бесполезными вещами. И только Собеседник продолжал, как прежде, неслышно поскрипывать соломенными суставами, нашептывая тебе в подсознание сумасбродные истории Снежного воина, восставшего из пепла и праха далекой Зоны.

А появился Собеседник в твоём доме года за два до манифестации Снежного воина. Как и предсказывал Редактор, Странник не замедлил воскреснуть из небытия после то ли двадцатилетней, то ли столетней одиссеи. Как дымный призрак возник он на пороге твоей гостиной, неведомым образом проникнув через запертый парадный вход. Как и ожидал ты, он был в длинном брезентовом плаще с надвинутым на лицо капюшоном, в заношенных кирзовых сапогах, в одной руке держал металлическую трость, другой придерживал холщовую суму, закинутую за плечо. В щели капюшона было трудно разглядеть выражение лица, ты просто обратил внимание на странные, как бы кишащие зрачки Странника, и тебя тотчас

кинуло в холод. Ты попытался приподняться с дивана, но не успел. Он небрежным движением бросил сумку на пол, кивнув тебе при этом на нее, дескать, это тебе. Затем он перевел взгляд на жену, окаменевшую в позе горестного отчаяния. Ты ожидал, что Одиссей сейчас выхватит арбалет и примется прицельно расстреливать ненавистных женихов, то бишь тебя, но тот только удовлетворенно кивнул головой, мол, не менжуйся, всё в порядке. Затем он моментально исчез, как будто в пустоту шагнул. Ты кинулся к двери, но в коридоре никого не было. Одна только бумага маячила на коврике, свидетельствуя о реальности произошедшего.

Всё это имело место быть до нашествия джугарных и джусойных монстров. И еще кое-что ты смутно осознал, когда лицом к лицу встретился со Странником. Это ощущение глубоко врезалось в душу, оно сидело там долгой занозой. Неудивительно, что потом в диалоге с Собеседником ты смог до странности естественно перевести это переживание в мысленную форму. Глядя в мрачные, твердые зрачки Странника, я понял, что вся моя жизнь до этого пронзительного момента была просто сном, неким лунатическим путешествием к сему временному рубежу, клубящемуся, словно вихрь. Я увидел смерть в его глазах, силу, летящую на меня, будто бумеранг. И я понял, что эта сила несет уничтожение всему моему прошлому, жалкому, будто подачка в горсти судьбы. Его взгляд был словно приговор, моментальный, молниеносный, бесповоротный. В одну секунду он решил все – просто кинул нас, как беспомощных щенков, в бушующие волны перемен. Полагаю, что и она пережила то же самое, что и я. Она была потрясена до глубины души, испытал жестокий удар. А ведь она была его женой, любимой женщиной!

После этого ее уход или бегство от тебя, а, быть может, возвращение к родному очагу, было делом предрешенным. Тем не менее, уже через день ты начал искать ее. Где ты только ни побывал, по каким только учреждениям не мотался, питая надежду? Платил бродягам, чтобы они обшарили все подвалы и ямы городского дна. Возвращаясь домой, падал, обессиленный, в свое кресло и сухим, как бы испепеленным голосом поведывал Собеседнику очередной список своих мытарств. Произносил длинные монологи, позабыв про штучку под доской журнального столика, не ведая, что каждое твое слово слышат в некоем кабинете на сороковом этаже голубой башни. Ты горестно разглагольствовал, не догадываясь, что борзые псы вынюхали следы Странника. Ты не знал, что люди в черном побывали в твоём доме и отсканировали всю кипу бумаг из заветной сумы. Не подозревал того, что в воду, которая поступает в квартиру по трубам, кое-что испытанное добавляется. Откуда тебе было знать, что Редактор уже сто лет опекает тебя, угадывая, что Странник рано или поздно выйдет на встречу с тобой. Пожалуй, этот искусственный господин, обладающий неизмеримой властью, умеющий даже воздух превращать в деньги, контролирующий Программу, мог бы претендовать на полную власть над материальным миром, если бы не неожиданная атака джугары, которая ворвалась в город, словно тайфун пятой категории.

И ты, мучаясь от сомнений, от жгучей горечи под сердцем, безутешным и скулящим, словно одинокий койот, сказал:

– Быть может, когда-нибудь и ты уйдешь от меня? Хотя я всей душой против этого! Помнишь, как мы нашли тебя посреди кукурузного поля? Годом раньше она, убираясь в старой квартире, выудила из корзины и выкинула в мусорный контейнер твою ветхую одежду. Среди выброшенного тряпья были соломенная

шляпа, облезлый свитер, потертые джинсы с дырами на коленях. Каково же было ее потрясение, когда мы увидели на кукурузной делянке какого-то доходягу в той самой одежде, среди белого дня торчащего с самым невозмутимым видом! А на поле мы забрели в поисках укромного местечка, чтобы заняться любовью. Растения были высоки, земля теплая, манящая, не мы ложились на почву к корням кукурузы, а земля сама падала на нас, креня заросли. Я до сих пор помню тот ее испуг. Она в страхе кричала, показывая куда-то вверх на облака. «Уж не птицу ли Симуург ненароком увидела?», – подумал я в ту минуту с досадой. Каково же было мое изумление, когда я в двух шагах от себя узрел чучело огородное, облаченное в странно знакомый наряд: желтую шляпу, трухлявый свитер, разодранные джинсы. Утомленные вороны и галки мотались вокруг, бранясь хриплыми голосами, ласточки и чибисы в тревоге стригли воздух крыльями, а свиристели и пеночки заливались в транс, будто *Ие* птичьего рода почтило их своим высочайшим явлением. Он же скрипел в облаке нескончаемого бреда, осыпался трухой, махал на ветру рукавами свитера. Нет, он не мучился, как какой-нибудь жертвенный столпник, он самозабвенно плыл в волнах голубого неба, душевно обнимающего его и несущего вглубь вечности. И мы ясно ощутили, что он отпущен, что его свобода сродни с ветром, облаками, птицами. Допускаю, что чувство ревности не на шутку кольнуло ее сердце. Она всплеснула руками, затем ее осенило, и она прижала ладони к губам. Так и стояла она, озаренная догадкой, во все глаза глядя на двойника мужа, наконец-то нашедшего себе достойное занятие посреди сада-огорода. Внезапно, полыхнув черными глазищами, она глянула куда-то в пространство и тихо произнесла: «А ведь как похож на него! Бедняга, весь выдох и истрепался». Признаюсь, мне стало как-то не по себе, даже досадно, что какой-то бездушный истукан произвел на нее такое разительное впечатление только потому, что напомнил Его. «Опять он вмешался. Ладно, пусть делает, что хочет – не стану перечить!», – и она, как будто прочитав мои мысли, предложила ласковым голосом: «Давай заберем его с собой. Не оставлять же его одного в диком поле».

Содрогаясь от нелепости и комизма своей роли, я потащил чучело в город. До окраины нес на своем горбу, затем мы сели в такси, причем водитель гнал как сумасшедший, все время испуганно оглядываясь на нас. На лестничном марше дома она мне помогла нести своего идола, довольно-таки бесцеремонно схватив его за голову. И я по сему поводу подумал: «Кто их поймет, дочерей Адама. Видимо, главное для них – не допустить, чтобы Он был свободен».

Когда-то я тоже был чужим и не понимал, что такое степь. Запах соломенно-желтого поля, прелого жнивья вызывал у меня аллергическую одышку. Один только вид тли, в несметном количестве выпасаемой шустрými муравьями на сочных листьях, до того действовал мне на нервы, что я с головы до ног покрывался зудящей сыпью. При этом я чувствовал себя так, будто вся земная нечисть набегом захватила мое брренное тело и принялась пожирать его, мародерствуя от всей души. Представь, каково было мне тащить в объятых в свою чистенькую ухоженную квартиру соломенное чучело, оказавшееся гнездом мышей-полевок, кишасим молью, клещами и еще бог знает какой тварью? Кое-как я справился с этим нелегким делом. Соседи, встретившиеся мне на лестничном марше, делали большие глаза, дескать, ничего себе, мужик, сбрендил от жары – тащит

к себе в берлогу какого-то бомжа! Уже дома в коридоре я кое-как отдышался, собрался с последними силами, сгреб в кучу весь запас дихлофоса и методично с энтузиазмом принялся обрабатывать безропотного гостя. Наверное, никто никогда не подвергал Его такой жестокой грызущей критике. Представьте мое торжество, когда я воочию увидел, как из полевого пуруши посыпался на газеты джугарный народ с заметными признаками мученичества, а именно – клещи, моль и мотыльки, муравьи и тараканы, кузнечики и сверчки, богомоль и жужелицы, музыкантики, пчелы и шмели, личинки, паучки, ящерицы. На полу образовалась изрядная куча из всяких деревенских членистоногих, беспозвоночных, головоногих, некоторым закулисным диссидентам я и названия не знал, но в результате решительной экзекуции чучело похудело наполовину, и его физиономия изрядно осовременилась, приобретя простое демократическое выражение. «Ну и завшивел же ты в подполье, приятель», – в сердцах сказал я, засовывая в карманы его джинсов таблетки антимоли, больше похожие на мины. Она же тем временем, пока я расправлялся с джугарным населением, из двух юбилейных медалей сделала новые глаза (поначалу они выглядели весьма недовольными), приклеила их к местам, шелковыми нитками починила дырявый свитер, из запасов шиньона смастерила парик и пришила его к изможденному черепу нового Пигмалиона. В результате наших усилий по модернизации Он стал более или менее походить на самого себя, иссушенного сомнениями бумажного червя – канцелярского работника эпохи реформ. Глядя на тварей, изобильно высыпающихся из его недр, я вспомнил знаменательные слова Старого и вечно одинокого, что «всё состоит из всего».

Пожалуй, достопочтенный старикан, почивший в бозе, был прав, он кое-что понял в результате долгой карательной трепки судьбы, которая всегда стояла над ним этаким надзирателем с кнутом в руках. Глядя на бывшего столпника, превращенного то ли в одичавшего фермера, то ли в отставного канцеляриста, увядшего в результате хронического недовольства, ты испытал прилив глубокой тревоги. Постепенно пришло осознание, что это смутное ощущение, царапающее душу, отнюдь не случайно. Прошло совсем немного времени, и ты понял, что причиной скребущего чувства является вид беспримерно одинокого Собеседника. И ты нисколько не ошибся в своем открытии, ибо вскоре убедился, что в свою очередь она тоже испытывает нечто подобное. Ее действия, скрытые мотивы исподволь передавали ее глубокое смятение, на дне которого тлело нешуточное страдание. «Его одиночество совершенно», – как-то сказала она, кусая губы. К этому моменту Собеседник был полностью отмыт, починен, заново одет и обут, обеззаражен, вооружен даже импозантными черными очками. В этом состоянии он был водружен на свое исконное место – большое кожаное кресло в кабинете. Несмотря на наши дружные усилия по реконструкции и возрождению, он почему-то в итоге приобрел нелюдимый вид то ли неисправимого скептика, то ли хронического женоненавистника. Казалось, он упрекает в коррупции и несмываемых грехах не только джугарное население, недавно паразитировавшее на нем, но и всё человечество. В итоге мы сами, его ремонтники, или даже творцы, незаметно инфицировались комплексом неосознанной вины, причем непростой, какой-то несмываемой, не то кастовой, не то религиозной, не то видовой. Это ощущение просто удручало нас, но мы ничего не могли поделать с настроением, которое излучал мрачный, как прокурор, Собеседник. В итоге у нас усилилась

склонность к психоанализу. Целыми днями мы только тем и занимались, что подвергали нравственному суду наше прошлое.

Его безмолвие действительно было законченным и символическим до последнего штриха. При этом он был удивительно живым, цельным, олицетворяя собой предельную концентрацию на внутренних аспектах своего подсознания, особенно – невидимом объекте своей скорби. Вот в такой позе, собранный, ничего не требующий от нас, несколько отрешенный, тихий и трогательно беззащитный погруженный в нечеловеческую печаль по поводу существования то ли себя, то ли всего мира, он сидел со сложенными ладонями, со скрещенными ногами в падмасане. Затем мы поняли, что своим масштабным бездонным молчанием он совершенно отражает суету наших мыслей и прихотливое движение мотивов. Признаюсь, я однажды вслух даже допустил мысль, что именно вот таким, он, Старый и вечно одинокий, пораженный черной молнией вечности, сидел здесь на этом месте еще до эры драконов. Она несколько поэтически и возвышенно добавила, что несказанно одинокий, обожженный пустынными ветрами, проскоженный несметными дождями и волчьими ветрами, облаянный вьюжными колымскими псами, тысячи раз обруганный уполномоченными цековскими воронами и галками, дюже строгими, обворованный хитрющими местечковыми шакалами и гиенами, брошенный родичами и подвергнутый жестокой обструкции, тем не менее не сломленный, он всегда сидел здесь, выявляя неуклонно из пустоты намерение сурового просветленного безмолвия.

В сию же минуту после этих ее слов мне почудились мотыльковые веющие слова, витающие неуловимо, осыпающие невыразимое ощущение клубящего пожараща, дымное копошение копоти и праха, тлена и горечи. Из этого хаоса исподволь в нашем сознании выросал образ мугалима, сурового аскета и духовборца. Он возникал и выявлялся из флуктуаций тьмы, пепла и воздуха, призрачной затхлости, запахов подполья, точек и тире пространства и времени, штрихов и оттенков, сетевых догадок и озарений джугарных существ, забывших обо всем за вековой игрой в шарики-малики. И этот голос шептал, что в течение миллионов лет призрак потихоньку обрастал формой, атомами, молекулами, клетками, тканью, сидалищем, разлинованным воздухом, ретушью штор, рядами служивых книг, рекрутированных еще в петровское время, сутулыми силуэтами арестованных слов, бредущих сквозь свинцовую брань и снежные заносы неумолимых судебных заседателей. Канитель эта, по всей видимости, продолжалась до тех пор, пока однажды мы не поставили точку в конце процесса, водрузив Собеседника на свое законное место.

Когда мы увидели, что символ сей совершенен, мы, не стовариваясь, одновременно бросились в кладовку отыскивать забытые записи Странника. Мы обнаружили их в той же суме в чулане, неведомо как уцелевшими после грызущей критики саблезубых крысиных ученых. Она была в большом замешательстве, ибо уже не помнила, как, при каких обстоятельствах сии прискорбные анналы попали в нашу квартиру. Я же помнил, хотя в моей памяти зиял провал емкостью пятьдесят джугарных лет на краю тростникового поля.

Обнюхав пестрые листы, испещренные следами трясогузок и пеночек, перепелов и куропаток, хрусткие страницы, шелушащиеся под тяжестью времени, она неуверенно произнесла: «Нацарапано, как курица лапой. Похоже на его почерк. Однако не ручаюсь на все сто процентов». И тотчас мы оглянулись на

Собеседника. Он по-прежнему торчал на своем месте, вихрясь нездешними, не от мира сего мыслями в другом космосе, который ни за что не проехать, не пройти. Его одиночество было лишено малейшего изъяна. За ним стояло безмерное поле его боли, непостижимого аскетического подвига, когда много лет подряд, бессменно, под снегом и дождем, в зной и в холод выстаивал он свою караульную службу в центре кукурузного поля, не имея ни малейшей надежды на завершение бессрочной стражи. Мы и не пытались представить границы этого срока – сон столетнего поля, мельгешение минут, часов, дней, суток, недель, месяцев, лет, мелькающих неудержимо, подобно стаям бесчисленных сов и филинов, тетеревов и куропаток, гусей и уток. Дебри, заглушающие призрачное биение изъязвленного сердца, едва прикрытого лохмотьями тумана, простреленного трелями перепелок, зовущих малых деток и супругов домой. Взгляд мерклый, затушеванный жизнью и смертью всевозможных существ, обитателей зарослей, зайцев, кабанов, оленей и косуль, прытких тушканчиков, хитрых лис, ворчливых волков, барсуков и росомах, быков и волов, жующих жвачку вечно-сти, мерцательных коров запредельной Майи, утонувших ресницами в ливневых травах Последнего завета; многих других тварей, явленных и не выявленных на свет божий из говорящей и покряхтывающей пустоты, уставшей тащить на горбу рыжиковский чулан.

С тех пор мы постоянно ловили на себе этот жуткий мертвенный взгляд Собеседника. И всякий раз мы неизменно ощущали глубинное, необратимое осыпание бытийных форм, в том числе себя самих, шелушащихся изнутри, мягкое рушение сквозь сито времени сил, мыслей, чаяний, и невозможно было остановить это ежеминутное проваливание души в трещины проклятых морщин и складок окаянного такыра адамовой судьбы.

Молчание безмерного поля с его закипевшими закатами и рассветами, корневой бездной олицетворял собой Собеседник, неуклонно осыпая нас в прошлое своим пучинным взглядом вселенского Уку-филина, ночного стража и великого охотника за суетными тварями. Этот взгляд, магический, темный, как тьма другой вселенной, проникал даже через стены, преследуя нас днем и ночью. Мы не могли избавиться от него и во сне. И однажды мы ясно поняли, что с появлением Странника в нашем доме мы полностью находимся под властью всеильной Программы, вероятностные файлы которой предусматривали любые варианты поведения коммунальных сурикатов, то есть нас – жителей дома. В иные минуты особой духовной ясности и внутренней тишины ты даже различал призрачный голос Собеседника, шепчущий в твои ушные раковины истории Старого и вечно одинокого, повествования, кишмя кишасие в желтой снулой суме старого бродяги. Однажды тебе даже почудились нити, похожие на бобовые стебли, тянущиеся от рук Собеседника к вам, они неустанно и чутко трепетали, управляя вашими движениями, передавая даже невидимые вибрации мыслей и желаний. Ты напряг взор, пытаясь разглядеть стрекального охламона в накидке, притаившегося в пустоте за спиной Собеседника. Именно в эту минуту она произнесла, смущаясь, не решаясь прямо взглянуть в твои глаза: «Похоже, не мы выдумали его, а он нас сочинил». И ты с легким сердцем согласился с этим странным выводом, снимающим с тебя груз неясных, сумбурных экзистенций, выразить которые было бы трудно даже Малышу-утенку. Не все ли равно, кто тебя и ее сейчас рассказывает? Старый и вечно одинокий, или Малыш-утенок,

или коммунальный пухляк, профессор престижного бункера, или Собеседник, пишущий не скрижалями, а взглядом непревзойденного скрипника, или Апке, бормочущая сновидения над норами крыс и крысопауков – не всё ли равно, кто это делает, если никому этот голос не остановить.

Помню, высказав это, она тотчас поднялась со стула – мы тогда чаевничали на кухне, закусывая бутербродами. Наспех соорудив что-то вроде хлебца с сыром, она скрылась в моем кабинете. Отсутствовала она что-то долго, поэтому я, не выдержав, проследовал за ней. И вот что я обнаружил. Перед Собеседником на подлокотниках кресла были разложены различные яства, в том числе фундук, курага, фисташки, миндаль, семена кунжута, рассыпаны живописно лепестки цветов опунции, рядом курились ароматические палочки, источали запахи миниатюрные чашечки с благовониями. Среди всей этой ритуальной мишуры и утвари она двигалась, словно новоиспеченная жрица, совершая поклоны, периодически делая молитвенные намасте, приговаривая то ли мантры, то ли заклинания, посвящая свой недюжинный экстаз величественно смурному повелителю лесных духов, *Ие* джугарного леса, поднебесному филину – Собеседнику.

С тех пор каждый день мы совершали подношения Собеседнику, но до этого снимали его с кожаного седалища, купали в ароматической воде, отряхивали одеяние, обрызгивали смесью из лосьонов и духов, завивали парик, натирали благовониями драгоценный лик, сушили волосы феном. В мои обязанности входило тщательно осматривать одежду Собеседника, не завелись ли в который раз треклятые клещи, клопы, термиты, моль, и если окаянные вредители обнаруживались, я пускал в ход испытанное химическое средство, смягченное одеколоном. Это была нелегкая работа! Вредоносные, настропаленные личинки каким-то образом ухитрялись вернуться в недра изначального пуруши, поэтому на следующий день, не дожидаясь указаний Той, которая всё знает, я принимался за свои обязанности, осознавая их сущностное значение. В конце этой многочасовой службы мы, усталые, но весьма духовно удовлетворенные, переполненные чувством светлой значимости бытия, отправлялись на отдых в пурпурную спальную.

Чтобы важный обряд не прерывался, она как-то старательно вылепила из глины фигурку Собеседника, обожгла в микроволновке, затем, полюбовавшись на собственное творение, поместила статуэтку на подоконник в кухне.

Так Собеседник занял свое место в доме, и это было до появления Редактора. «Не перевернул ты небо и землю, хотя дали тебе точку опоры» – вспомнил ты слова Старого и вечно одинокого, потянулся и взял с полки стопочку исписанных тростниковых листков. То была история, которая пролилась на свет божий шепотом и бредом Странника из недр блудной сумы Странника.

НАШ ДОМ

Приключилось эта история вскоре после нашумевшего поединка дедовского кобыза с воинством червей. Легенда об этих событиях долго жила в нашем крае. Люди спорили, терялись в догадках, достала ли дедовская игра червей, задев их за живое, или у них пробудилась совесть, и в итоге они все-таки покинули обглоданное кукурузное поле. Поле то выжило, но не выдержал тяжких испытаний наш бедный дом, на глиняном покрытии которого не на шутку разбушевалось расплодившееся к осени семейство диких свиней. Ивовый потолок, сплетенный

из прутьев, на честном слове державшийся на жердях и матке, без того источенных древоточцами, не выдержал тяжести урожая, а также напора кабанов, дружно вышедших на ристалище. В один момент он рухнул с оглушительным треском, напугав окрестных ворон и галок. Хорошо, что мы в то роковое утро были на поле, иначе бы нам несдобровать, еще бы – изрядный участок джугары вместе с почвенной толщей, растениями, хаосом прутьев и жердей с громом и пылью обрушился прямо в комнаты, где мы еще недавно так припеваючи жили. Дед собрал джигитов и кое-как наспех заделал пролом старым материалом. Нам же, детворе, пришлось изрядно повозиться, чтобы очистить комнаты от груд земли. Больше всего нам досадили неугомонные муравьи, они кишмя кишели во всех углах и закутках нашего бедного жилища, не желая покидать даром доставшиеся владения, изобилующие всякими съедобными крошками. Дед наш заметно осунулся в бесконечных заботах и хлопотах, выражение глубокой скорби присохло к его запавшему лицу, порой он с удивлением озирался вокруг, как бы впервые видя прежний и одновременно такой неузнаваемый мир. Вздыхая, он то и дело приговаривал, что таково само существование, превратно и ненадежно оно, ветер перемен крошит даже скалистые горы, что говорить о бедном жилище, одна только пустота постоянна и неизменна, но она не может служить опорой бранным стенам и человеческим прихотям. Но мы-то знали, что это не так, наш детский мир был огромен, бесконечен, оглушительен, пронизан невероятностью, освещен надеждой. Поэтому мы не понимали сетований бедного старикана, с шумом и криком носились среди бедлама, подхлестнутые этим громким происшествием. Еще сильнее обрадовались мы, услышав от деда достаточно осмысленную фразу, одобренную всем аулом: «Надо строить новый дом. Надежный дом – крепость человека на земле и на небесах». На эту светлую новость мы ответили дружным: «Ура!»

Всю осень и зиму он добивался от властей разрешения спилить небольшую тополевую рощу, украшавшую деревенскую околицу на восточной стороне, ссылаясь на то, что эти деревья были некогда посажены им самим на случай возможного строительства. Получив нужную бумагу, он с головой ушел в подготовительную работу, точил топоры, пилы, делал разметки на участке, вечерами, закрывшись в чулане, всё что-то чертил и перекраивал карандашом и резинкой на листах простой ученической тетради. Детвора чуяла большие перемены, обещавшие вместе с хлопотами радость невиданной новизны. Что и говорить, иные из нас чуть ли не на головах ходили, другие так и отирались у ног взрослых, чтобы первыми перехватить достоверные вести. Жизнь улыбалась нам, и эта весна была особенно щедрой на радость, по поводу и без оного мы затевали громкую кутерьму.

В середине мая дед вместе с толпой бородачей и парней, вооруженных топорами и пилами, направился к балке. Мы тотчас поняли: вот и нагрязнела долгожданная пора удивительных перемен. Шумной лавой покатили мы вслед за взрослыми. Мы танцевали, неслись кувырком, взявшись за руки, кружились в хороводе, и весь улыбающийся оком плескался вокруг наших чумазых лиц, словно бесконечный водоворот. Не знаю, что думали тополя по поводу нашей радости, но я что-то не заметил, чтобы они осыпались тогда прощальными желтыми листьями или крошечком минувших дней. Наш дом, приготовившийся явиться на божеский свет из пустоты, еще не собранный в бревенчатую конструкцию, пребывавший в виде

тополиной и осиновой рощи, тем не менее был заметно раздосадован нашим вторжением. «Ну, вы, непоседы, потише!» – цыкнул он на нас голосом сочной листвы. Галки и вороны взмыли в воздух, возмущенно захлопали крыльями, отчаянно заорали, заматюгались базарными голосами. Стрижи и ласточки, похоже, были на нашей стороне, радуясь счастьем детворы. Они носились туда и сюда, звонко вскрикивая, прошивая воздух острыми крыльями. Между воронами, галками и аульной ребятей тлела давняя вражда, поэтому мы не стали расстраиваться по поводу провокационного поведения недругов. Наша радость была слишком большой и сильной, она обещала затянуться надолго, ощущая это, мы были настроены благодушно и миролюбиво. Впрочем, рогатки не понадобились. Презрев все искушения, мы кинулись пособлять взрослым, благо дел хватало: нужно было отгаскивать срубленные ветки в сторону, подносить рабочим инструменты, охлажденную воду, полотенца. Дети поменьше затеяли на лужайке кучу мала, а когда появились первые срубленные и очищенные бревна, они тотчас оседлали их, позабыв о нас в азарте воображаемой скачки. Как они орали, визжали, колотя пятками по зеленым бокам деревянных коней – это словами было не описать! Уже тогда, в ту раннюю пору, заметил я между делом, что у Нашего дома характер еще какой ребяческий, бесконечно наивный и неуловимо текучий. Еще не родившись, не явившись на свет первозданный, но тотчас отреагировав на наше поведение, он засмутился, застыдился, не на шутку закапризничал. Наверное, он хотел дать стрекача или удариться в несусветный рев, но, когда пятки малышей зашлепали по тугим бокам, защекотали неудержимо, он позабыл обо всем и залился дивным чудо-юдовским смехом. Его смех был так явственен, что взрослые как по команде прекратили работу, прислушиваясь к переливам солнечной игры, прыскавшей меж листьев. А дед, весь как-то глубоко озарившись, подумал немного и негромко сказал: «Наш дом будет хороший, еще какой веселый». И мы, орава пацанов и девчонок, взаправду поверив, что предстоит нам переезд в новый дом, дружно заорали: «Ура!» А потом воцарилась тишина, и в произвольном безмолвии почудился чей-то чистый голосок, капелькой прыгавший с листка на листок, с ветки на ветку.

Вы не поверите, к осени дом уже стоял на южной окраине деревни, распростирая ароматы стружки и древесных соков, выступивших наружу по краям срубов. Расположился привольно он чуть ли не у самого края поля-джугары. Дом получился ладный, высокий, широкий, со светлыми окнами, балкончиками, венчавшими невиданную в этих краях мансарду, и смотревшими на восток и запад, то есть на стороны восхода и заката солнца. Дядя Петр – именитый мастеровой постарался на совесть. Внизу на первом этаже красовались четыре комнаты, просторные, гулкие, звонкое эхо тотчас поселилось в них. На второй этаж в мансарду вела красивая лестница с резными перильцами, достаточно широкая, музыкально звучная под быстрыми детскими ногами. Мне лестница особенно пришлась по душе. Я до упаду носился по ней вверх и вниз, топя подошвами по ступенькам, пока не убедился в том, что голос Нашего дома поселился именно здесь, наверняка зазвав в гости духов тополиной рощи. После полутемной, тесной землянки деда, помимо людей давно обжитой телятами, ягнятами, дюжиной ласточек, несметной ратью тараканов, мух, комаров, моли, светлые бревенчато-звонкие покои Нашего дома показались нам сказочными хоромами. Очень скоро он стал

общим домом для дружной ватаги родственной ребятни, понаехавшей на постой из соседних аулов и заимок, где школ не было. И я понял, что очутился в своего рода интернате, веселом, шумном, бойком месте, где все мы ходили немного очумелые, с синяками, но счастливые. Дед выглядел гордым, еще бы, его строение выступило не личной собственностью, а своего рода коммуна, приютившей десяток аульных ребятешек. На этом замысле и создавался большой дом, иначе власти ни за что не разрешили бы простому деревенскому старику возведение здания с мансардой.

Только тогда никому и в голову не приходило, что с Нашим домом приключится такая необыкновенная история... Но об этом по порядку, чтобы было понятно.

Больше всего мне приглянулась мансарда. Под самой крышей дядя Петр устроил две большие комнаты с рядами полок и вешалок для детской одежды. В одной из мансардных комнат дед оборудовал сушилку для трав, в угол поставил старый столярный стол с тисками. Со временем сюда перекочевали разнообразные вещи: сундучок с инструментами, несколько чемоданов, кособокий саквояж, стальная пята для починки обуви, сбруя, старое седло, волчья и лисья шкуры, огромный тулуп, связка бечевок, ящики с гвоздями, черенки для лопат, рога архара, склянки с лекарством, солидолом, скипидаром, купоросом. Эта комната была для нас запретной, но именно поэтому она для нас стала самым притягательным местом на свете, куда мы скрытно пробирались с помощью хитрой отмычки.

Очень скоро мансарда остро и стойко пропиталась запахами всевозможных полевых трав, – ароматы душицы, мать-мачехи, зверобоя, полыни, череды, ревеня, тысячелистника, подсолнуха, ромашки, мяты, многих других чудных растений слились в одно благоуханное облако, ощутимую терпкость которой мы всегда носили с собой, куда бы не заносила нас лихая сила. Мои братья и сестры сказали мне, что от меня несет гречихой, чего, конечно, я сам уловить носом никак не мог, но охотно им поверил, потому что пучки гречихи висели на стене прямо над изголовьем моей кровати. От этих запахов ощутимо шла голова кругом, земля казалась бесконечной долиной, над которой мы витали и реяли неутомимыми шмелями и пчелками, а сны уносили воображение в звень и многоцветность немислимых лугов. Со временем я заметил, что меня так и манит побегать по гречишным косоогорам, особенно в пору их дружного крапчатого цветенья. Махнув рукой на братиков и сестер, я убежал на гречишные пьянящие склоны и унесенным перышком в упоении кружился в волнах соцветий, кувырком катаясь в зарослях на склонах круглых холмов. Эх, что за денечки то были! Голенастая и смешливая сестренка по имени Куним пахла солнцем и семечками, и не удивительно – ее простодушное лицо, украшенное веснушками, напоминало подсолнух, обрамленный короной лепестков. Немудрено, что девчонка так и старалась увлечь нас в путешествие к дальнему полю, похожему на оранжевое размашистое море в ясную погоду. Порой она пропадала на целый день. Бог знает, где ее носило, но появлялась к вечеру в приподнятом настроении, благоухающая подсолнухами, сопровождаемая радужным сиянием, а также призрачными существами с венками на головах. Другой братик по имени Тентек, худой, с острыми локтями и коленками, всегда готовыми поддать куда следует, вихрастый, с глазами отчаянного забияки, почему-то полюбил колючие заросли татарника и репейника. Порой его за уши нельзя было вытащить из чертополоха, оцетинившегося шипами, иглами и крючками, где он пропадал в своих непонятных думах и грезах, жутковатых,

попахивающих чертовщиной. Над изголовьем Тентека, повыше рогатки, арбалета топорщились пучки диковинных синих колючек, по поверьям – убойной силы против мух и всякого гнуса. Конечно, Тентек был ерепенистый задира, тем не менее я с ним ладил, особенно на почве интереса ко всякого рода оружию. Больше всего от него доставалось девчонкам, которых он норовил дернуть за косу. Конечно, они тоже в долгу не оставались. И так у каждого из джугарных братиков и сестер был свой отличительный растительный ориентир и соответственно – запах говорящий о каком-нибудь заветном местечке среди бесконечных полей, лугов, пышных низин, густых лесов и сочных подлесков, тенистых садов и рощ, богатых ягодами и грибами. И никто из нас не подозревал, что причина этой неумейной тяги к лесам, полям и долам заключается в скромном букете из засушенных трав, пристроенном дедом над кроватью каждого из нас.

А еще любили мы проводить время то на одном, то на другом из резных балкончиков, вознесенных пугающе высоко над земной твердью. Сколько раз мне снилось... вот я выхожу на площадку, окунаюсь в лунное сиреневое мерцание ночи, неведомо как забираюсь на перила, и, смутно припоминая, что проделывал это множество раз, решительно отталкиваюсь и парю навстречу звездам, таким далеким и таким знакомым. Утром, спозаранку, еще заспанные, выбирались мы на восточный балкон полюбоваться восходом солнца. Ей-ей, нам было на что посмотреть! Над туманно-темным разливом кукурузного поля, сумрачными низинами и речными плесами, над таинственно живыми просторами, погруженными в затяжные думы, там и сям дымно подбеленными, медленно-медленно, словно нехотя наливалась светом еще такая далекая, такая робкая, ранняя заря. Среди ивовых и ветловых шатров, кучкующихся вдоль русла, оцепеневших во сне тополевых рощ, грудями уходящих все дальше и дальше на юг к пучине горизонта, пласталась залежами тусклого серебра скромная речушка, весьма рыбная в иные времена. Ее берега были излюбленным местом наших игр и отдыха. И мы, позабыв обо всем, смотрели на плеск-переплеск перекаатов, забытые заводы, такие пугающе глубокие, черные омуты под бахромой ветвей в этот предрассветный час. Наша речка тоже ждала солнца, чтобы напиться теплом, голубизной, и потом со всем этим богатством встретить нас – бесшабашную ораву. Солнце – самое чудесное диво этого мира. От одного его прекрасного лучезарного вида сам собой вспыхивает огонек радости в центре груди, и жизнь тотчас становится бескрайним полем одних только обещаний и надежд. Затаив дыхание, следили мы за рождением и восшествием светила на небесную гору, неопишуемого божества, осеняющего щедро и широко перстами весь мир, всю вселенную, видимую и невидимую. Взявшись за руки, во все глаза взирали мы на рождение нового дня, с какой-то минуты бегущего прямо на нас от дальних восточных холмов багряно-кипенной лавой, сияющими грудями лугового многоцветья, – грандиозным нашествием света. И все поля нашей окрестности – кукурузные, подсолнуховые, ячменные, пшеничные, гречневые, просянные, начинали трепетать пространственными золотыми полотнищами, манить издали, звать к себе с неодолимой силой, потягиваясь, волнуясь, играя тенями и ручьями под порывами Ваюна, струясь и разливаясь меж холмами бескрайней джугарной рекой. Так начиналось каждое новое утро для нас в Нашем доме. А на другом берегу времени бойцовый малыш в маскировочной каске, вытянувшись во фрунт, салютовал сабелькой портрету генерала Гордона.

строго взирая на парад далеких фрегатов, крейсеров и линкоров. Мы же здесь не жалели ни о чем. Наш дом стоял за спиной, и мы встречали новое солнце, в онемении восхищаясь несравненной мощью и размахом природы, вздыбившейся лесами навстречу заре.

Привечал зарю и дед, выжидая на крыльце, как будто в предвидении явления долгожданного родича. Однажды я заметил рядом с ним странного малыша, кургузого, с несуразно крупной головой, большим животом и нелепыми лягушачьими ногами. Он стоял, прижавшись головой к бедру старика, и его смоляные глазища мерцали, как будто киша миллионами огоньков. Я тогда не знал, что это и есть Наш дом. По-простецки я решил, что дед привел на постой какого-нибудь нашего троюродного братика, и, по-видимому, – сиротку. Но в следующую минуту малыш исчез из виду, буквально растворившись в воздухе, и я отнес это видение к причудам привязавшегося сна. Ну, с кем не бывает?

Вечерами мы нередко собирались на западном балконе полюбоваться картиной грандиозного заката. Уходящий день размашистой орлицей, крылатой Смург тянулся к горизонту, кровавым глазом пристально наблюдая за нами, и в этом красновато-тусклом взгляде, нитью приклеившемся к нам, было что-то жутковатое, нечеловеческое, некая сила, ведающая о нашей судьбе все. И это завораживало и пугало нас, луговых, кукурузных детей. Детское ли это ощущение – чувствовать себя заговоренным жизнью? Не всё можно выразить словами, есть бездна, которая существует помимо всяких слов. И мы, тогда ни слухом ни духом не ведающие о Реестре Малыша-утенка, каким-то иным сознанием, глядя на утопающее солнце, меркнувшие вершины, исчезающие во тьме селения и деревья, травы и камни, понимали это, принимая неизбежность явленного. Уже тогда, пацаном безнадежным, вступая потихоньку в половодье вечера, какими-то отдаленными, неясными касаниями проникал я в догадку, что ночь – это солнце наоборот, что тьма – это другая вселенная, и она поистине бездонна, настолько, что никакая древняя мысль не извела и толики этого. В черных гаснущих шагах вечера есть смыслы, знаки, от которых холодеет кровь, начинает ныть сердце, но есть и красота немислимого, беспредельного, когда, ощущая мощь сущего, ты начинаешь спрашивать себя, до каких пор можно все измерять малой мерой человеческого опыта, с точки зрения ничтожного, временного «я»?

Дед тоже сосредоточенно, долго, с какой-то невыразимой печалью и тревогой всматривался в неуклонное падение крыльев заката. Мы не знали, не могли и видеть, какие мысли и чувства владели сердцем старика, с каких-то пор повернувшегося душой в сторону Большой ночи. Нас разделяла пропасть неизведанного, непознанного нами, детьми. Только стал я время от времени замечать рядом с ним на заре и на закате дня призрачную фигуру утконоса, весьма тихого и доверчивого, всегда державшегося за штанину деда. Так, наверное, устроены все дети: вскоре я перестал удивляться призраку, ибо мне было трудно отделить реальное от нереального. Нередко я сон принимал за явь, а наяву ходил и бредил своим будущим, таким опасным, таким невероятным. Также я без лишних слов понимал, почему Наш дом выходит из своих укрытий только к деду. Ведь именно он задумал и с необоримой силой возмечтал о нем, потом уговорил народ и начальство воплотить дом в строении. Так он и вызволил его из безымянного топоинового, осинового плена, и

Наш дом был высвобожден из густоты древесной, немоты и маеты бессвязной толщи, запутавшейся в волокнах времени, в колдовстве древоточцев, в ворожбе мотыльков и бабочек, в трепете и дрожании, колыхании листьев, осыпающихся даже внутри почек, чреватых осенью, уязвленных слезами одинокого пленника под кронами берез, ободранных на веники оборонно-ответственной бабой, весьма суровой, подвинутой на мужественность караульной службой седых бровей Старого и вечно одинокого, выкурившего немало бессонных ночей смертельной вьюжной трубкой, всё лающей и рвущейся с золотых цепей зелено-суконного сановного очкарика. Был оперативно выявлен и выпущен он из гумусных недр, облюбованных дневальными червями, охаянных и обруганных совами и филинами, выброшенных из снов густых, непролазных, казарменных почв, обильно унавоженных костями зэковскими, политых кровью и потом, слезами уполномоченных бойцовых стариков, все прохаживающихся и покашливающих, крахтящих дюже строго над картой Родины, державы незабвенной, построенной всего-навсего на одном-единственном стебельке лугового вождя, без того источенного оппортунистическими личинками, поднаторевшими на грызущей критике основ сомнительного пустотно-пучинного бытия. И всё это я легко понимал и принимал сознанием иных снов, допуская туннельные эффекты крысиных философов в кабинете коммунального пухляка, придавленного безнадежно тысячами томов осатанелого бреда про светлое будущее и единство кукурузного поля с тварями, описанными в Реестре Малыша-утенка, еще не открытыми слепцами, заблудившимися в непролазных дебрях, кишащих в зрачках дюже лукавых волков и волкопсов. Только одного я не мог понять и объяснить себе толком, откуда у Нашего дома такой недетский, такой взрослый, пивной живот, выпирающий этаким гоголем? Устав от дум, я отбросил сомнения, решив, что с таким животом нечего рассчитывать на успех у наших требовательных драчливых девчонок, несносных забияк, привыкших ходить с вечными синяками, но, по-видимому, счастливых. Вот здесь-то я, как говорится, как в воду смотрел – попал в самую точку. В том-то суть всей этой незатейливой истории, что она стала возможной после приезда в аул нашей трояродной сестрицы, городской модницы Майи. А появилась она, не запылилась, естественно, после того, как далекие столичные родичи проведали, что дед построил дом, да не простой.

Мы, деревенские сорванцы, видали всяких, но от Майи с первой же минуты у нас голова пошла набекрень. И немудрено! По-моему, такой девчонки свет не видывал еще с эры драконов, наверняка, не увидит и после! Появление в те дни в нашем задрипанном ауле такой стрекозы-егозы, электрической ведьмочки, как Майя, стало для всех нас странным и необъяснимым событием, но с весьма серьезными последствиями. Мы терялись в усилиях разгадать сию загадку судьбы. Даже тебе, опытному и матерому человеку-сурику, под влиянием голоса Собеседника пытавшемуся разгадать этот шаг фортуны, дотошно изучившему все реестры, так и не повезло, ни к чему определенному ты так и не пришел. Разве это не знак того, что Программа пошла вкривь и вкось с самого начала?

Мы не могли взять в толк, как такая хрупкая девчушка, дунь – ветром унесет, добралась до нашего аула одна, без взрослых, ехала издалека сначала поездом, в автобусе, и, наконец, по торным путям на попутках. И что она искала на отшибе? Не испугалась ни расстояний, ни опасных людей, ни чужой незнакомой местности. А ведь при ней был еще преогромный чемодан, который мы с Тентеком

даже вдвоем поднять не смогли. Ей-богу, всё это выходило за пределы нашего разума. Как бы то ни было, она стояла перед нами, демонстрируя возможность невозможного. Дед, как будто читая наши мысли, ухмыльнулся, представил гостью, попросил не обижать ее. На этом он завершил церемонию, повернулся и ушел на задний двор чинить телегу.

И вот залетная птица, отнюдь не пигалица, перед нами. Она зыркнула на нас нахальными глазищами, стянула с головы берет и гордо тряхнула головой: соломенные волосы ворохом упали на загорелые плечи. Ее зрачки вызывающе светились зелеными угольками, казалось, она вот-вот пригнетса и метнется на нас этакой дикой лесной кошкой. В воздухе проскочила искра. Наши девчонки нахмурились и сердито фыркнули – предупреждение значительное. Но не тут-то было. Гостья вперила взгляд в Тентека, тот взъерошился, но не успел и слова сказать, как она швырнула тяжеленный чемодан прямо ему в руки, и, не обращая внимания на его вопли, зашагала прямо к крыльцу. Несколько минут, а может, вечность, мы приходили в себя, недоуменно переглядываясь, пожимая плечами. Тентек, похоже, был в смятении. Не лучше выглядели Калкан и Максат, наши братья из Койтаса, заядлые драчуны. Надо было спасти честь ватаги. Едва сообразив это, они со сжатыми кулаками ринулись вслед за обидчицей. Однако они не успели добежать до крыльца. Майя мгновенно обернулась и неуловимым движением врезала одному ногой прямо в грудь, второго ударила локтем в подбородок. Глаза ее яростно полыхнули малахитовым огнем. Мы стояли, как громом пораженные. Калкан и Максат валялись на земле, позорно задрав ноги кверху. Они были ошеломлены не столько болью, сколько стремительностью своего разгрома. И было понятно, что они не скоро придут в себя. Майя же решительным жестом подозвала вконец обалдевших девчонок и властно показала на чемодан. Те, ни слова не говоря, муравьями облепили груз и потащили поклажу домой. Мы, мальчишки, остались во дворе, обсуждать нам было нечего.

Поднявшись на мансарду, мы увидели подлинное торжество завоевательницы – Майя заняла лучшее место у восточного окна, принадлежащее мне. Мои вещи вразброс валялись на полу, а на моей кровати горой возвышался ворох белья и одежды из чемодана. Наши сестрицы с виноватым видом разбирали их и раскладывали на полках. Они старались на нас не смотреть, они полностью и окончательно были побеждены, поставлены на колени и приведены в покорность городской воительнице.

Наваждение продолжалось. Вскоре наши девчонки, Мурсипа, Канипа, Анипа, Кульзипа, Майра, Заира, вооружились вениками, тряпками и, не обращая внимания на наши бурные протесты, – может ли уважающий себя пацан ужиться с чистоплотностью, – принялись наводить марафет в мансарде. И при этом Майя королевой разгуливала среди них с прутиком в руке, отдавая командирские приказы, показывая места, которые надо было отдраить, выскоблить. Вскоре в чердачных комнатах, таких уютных, таких милых нашей душе с живописным беспорядком мусора и вещей, не осталось ни одного приличного мушиного пятнышка, ни одной паутины, ни единой кляксы. Мансарда раздражающе сияла, была в глаза своей душераздирающей чистотой – картина невыносимая для истинного мальчишеского сердца. Полностью игнорируя мужское население Нашего дома, Майя колдовала и ворожила, усиливая свою вновь приобретенную власть над девчонками. Она сначала продемонстриро-

вала им свои украшения, затем платья, туфельки и шляпки, то есть устроила нечто вроде показа новейшей городской моды. Мы, растерянные и дезориентированные, жались в дальнем углу, а они, подлые предательницы, поочередно облачались в Майины наряды и дефилировали перед зеркалом туда и сюда, словно по Бродвею, задирая припудренные носы и противно выставляя ножки. Наши сестрицы преобразились в фигуры пугающие, чуждые, с отвратительными городскими замашками. А когда Майя, выстроив их в солдатский ряд, по-хозяйски осмотрев каждую, начала одарять их всякой чепухой, колечками, сережками, шляпками, над девчоночьей толпой взвился такой писк и визг умиления, что не только нам, но и всем окрестным чертям сделалось тошно. Что и говорить, для нас это был самый роковой и несчастливый день. И всё же наше унижение и позор, оказалось, еще не достигли своего предела. Громко объявив, что начинаются танцы, Майя приказала девчонкам завести патефон, при этом она коброй бросила в нашу сторону такой гипнотический взгляд, что мы решили, пока не поздно, убраться подобру-поздорову под кровати, ведь для серьезного пацана нет более мучительной пытки, чем танцы. Между прочим, это убеждение осталось у меня на всю жизнь.

Вот зазвучала, царапая по нервам, противная патефонная музыка. Из-за ширмы, странно, будто пава, ступая на носочках, выплыла Майя. На ней красовались белая майка с тонкими лямками, невиданно коротенькая юбочка с пышными оборочками, длинные ноги были обтянуты отливающими колготками. Ей-богу, и видом и движениями она напоминала лугового журавля, мелкими перебежками затевающего пируэты, и то и дело взмывающего в плавных прыжках. Вот она вновь просеменила по кругу, наклонив голову в одну сторону, нелепо, углом выгнув руки, видимо, намекая на крылья. Белые колени замельтешили, уморительно замелькали, легкий прыжок, и вот она в воздухе, бьет ножку о ножку, плещет ступнями. Я едва не прыснул от смеха, однако неожиданно похолодел – мороз волной пошел по коже. Казалось, невидимый вихрь подхватил ее, она понеслась по долготу, но теперь упоительно-грациозному кругу со стремительной дробью вытянутых носочков и дрожью изогнутых рук. Мы замерли. И вдруг под грозный аккорд музыки она ринулась в такой невероятный, такой ошеломительный прыжок с запрокинутым свиристящим лицом, и этот отчаянный, самозабвенный бросок над пространством болезненно резанул по сердцу. От неожиданности мы ахнули, от немыслимого прыжка Майи у меня мучительно заскребло прямо в желудке, и едва не вырвало прямо на пол. Я обеими руками ухватился за живот. Не в лучшем положении были и другие мальчишки.

Мы были слишком потрясены, не испытывая никакого желания сделать шаг к примирению. Но и обезьянничать, как раньше, тоже не хотелось. Мы просто молчали, опустошенные, деморализованные полностью. А что нам оставалось делать?

После обеда, слишком постного и тягостного, девчонки, игнорируя нас, пошли на речку купаться. Мы с жалким видом потащились за ними. Майя всего за пару часов играючи взяла власть в свои руки, жизнь потекла по новому руслу, а мы никак не могли привыкнуть к столь неприятному перевороту в нашем мире.

А на берегу большой запруды, местом водных забав и развлечений всей сельской ребятни, произошло еще кое-что, очень серьезное для нас всех. Дело в том, что из-за этой запруды шла давняя война подростков, враждующих по окраинным

признакам. Мы считались ватагой заготскотских сорвиголов, нашим командиром в сражениях выступал Тентек. Нам противостояли банды зареченских, колубаньских, автобазовских пацанов. Самой многочисленной и жестокой считалась шайка колубаньских, возглавляемых бойцом по кличке Мура (Мурат). Нынешним летом мы потерпели поражение в стычке с колубаньскими и потеряли контроль над запрудой. В результате мы могли купаться только после того, как Мура со своими братьями оставлял берега речки. Что и говорить, это обстоятельство было причиной нашего уныния на все лето. Мура же зло потешался над нами, не упуская случая поколотить кого-нибудь из заготскотских, если попадался он ненароком ему в руки.

Надо же было такому случиться, что именно в тот час, когда мы с Майей объявились на берегу, в пруду шумно веселилась толпа колубаньских. Мы и опомниться не успели, как с воплем «Бей скотов!» на гальку выскочил Мура, мускулистый, черный от загара. Мы приготовились драпануть, но Майя гневным жестом остановила нас. Она вышла вперед, передав сумочку кому-то из девочек. Мура с минуту разглядывал ее, голенастую пигалицу, бросившую вызов ему, знаменитому драчуну, хулигану, атаману колубаньских. Затем он с издевкой смачно сплюнул: «Это что за муха-цокотуха, жужелица навозная? Спасительница заготскотских? Эй вы, бараны, ничего лучшего придумать не могли?» Его братья дружно загоготали. Мура еще что-то хотел добавить, унижительное, невыносимо оскорбительное для нас. Но не успел. Майя подошла к нему, необычайно высоко подпрыгнула и коленкой врзала парню в подбородок. Тот словно подкошенный рухнул на гальку. И остался лежать. Кто-то из колубаньских боевиков ринулся командиру на помощь, но Майя без лишних слов врзала ему ногой в челюсть, результат оказался тот же – необратимый нокаут. Вся река онемела, пауза длилась минуту, а может быть, вечность, потом мы опомнились и с криками: «Бей колубаньских!» кинулись в атаку. Мы беспощадно гнали врагов километр, другой, нам помогали зареченские и автобазовские пацаны, от всей души ненавидевшие армию Муры. О, это был день небывалого торжества! Речка теперь принадлежала нам, мы могли купаться весь день хоть до отупения. О нашей победе говорило всё село. Пацаны со всех окраин приходили к Нашему дому пожать руку нам, а самое главное – поглазеть на невиданную горожанку, владеющую приемами карате. Мы, конечно, с легкой душой простили Майе ее диктат над нами, теперь она была выше предрассудков, нечто такое, к чему обычные мерки неприменимы.

Возвращаясь с речки, мы валили шумной ватагой, наш атаман – Майя гордо вышагивала впереди, на ее голове красовался веноч из свежих цветов, в пакетике горстка яблок – дань побежденных. Не только село и окрестности, но и весь джугарный мир безраздельно принадлежал нам (ироническая улыбка Собеседника ожгла темноту кабинета). Ей-ей, нам казалось, что Майя всегда была с нами, всегда водила нас в походы на речку или дальние поля, кукурузные, подсолнуховые, гречневые, пшеничные, к силосным башням или к осиновым и березовым рощам собирать ягоды, ломать ревеня. Как мы раньше обходились без нее?

Вечером на мансарде мы устроили кутерьму, от которой Наш дом встал дыбом. Как только мы ни дурачились, ни веселились, ходя чуть ли не на головах! Мы нисколько не обижались, когда Майя от души задавала нам трепку или швыряла кого-нибудь из пацанов на пол, прижимая мертвой хваткой – оказывается, она владела не только карате, но и самбо. И когда только она успела освоить всё это?

Впрочем, город есть город, это такое место, где всё возможно, были бы деньги и желание. Майя не только направо и налево кидала нас мастерскими уловками, она учила нас азам борьбы, чтобы мы усвоили их, чтобы ее братики и сестрицы, как наставляла она, не бежали со всех ног от всяких Мур, Бауров, когда ее здесь уже не будет.

В тот вечер на мансарде мы словно взбесились. Майя носилась среди нас, лихо прыгая с кровати на кровать, оказываясь то на подоконнике, то на перилах балкона, то на лестнице. Над этим шумом, гамом, нисколько не уступающим бедламу кабанов и тигров, чибисом реял ее звенящий голос. На какую-то минуту на лестнице показалось испуганное лицо деда. Ему, прикорнувшему с устатку под навесом во дворе, показалось, что на крыше нового дома вновь завелась стая неукротимых вепрей и свиней. Однако, убедившись, что это всего-навсего толпа его собственных внуков, он произнес: «Дом без детей – мазар, с детьми – базар». Дюже утешившись сей мудростью, он отправился досыпать, досматривать вековые сны про хитрости джугарных обормотов, задумавших на сей раз новое преобразование мира.

Наши кургузые девчонки по очереди облачались в белые колготки и юбочку Майи, пытаясь также легко и воздушно станцевать «Лебединое озеро». Более уморительной картины нельзя было представить, и мы, пацаны, умирали от хохота, пораженные пантомимой наших колченогих, неуклюжих сестриц. Тентек визжал, закатывая глаза – на него навалилась Майя и жестоко пыталась, безжалостно щекоча его.

Мы не могли уgomониться до поздней ночи. Давно уже пылающее крыло орлицы-заката кануло в бездне мрака. Звезды густо высыпали на небосклон, мерцающая и искрясь над пучиной, они с тревогой смотрели на шабаш ребят, возглавляемых прыткой бестией – настоящим рыжим вихрем в образе девчонки. Дед отправился к дальнему шалашу сторожить кукурузное поле. Дом был в полном нашем распоряжении. Нас захватила идея устроить морской бой. Мы принялись спешно переоборудовать кровати в крейсера, эсминцы и миноносцы, запасались подушками – тяжелыми снарядами. Майя и сестрички размахивали простынями, изображая бушующие морские волны. Звучали команды, переданные азбукой Морзе, флоты и эскадры маневрировали, перестраиваясь для генерального сражения. Бой предстоял нешуточный, с применением всех огневых средств. «Выдержит ли Наш дом эту битву?» – думал я, почесывая затылок. То-то веселая и бурная жизнь наступила для нас с приездом городской родственницы, заряженной неукротимой энергией.

И вдруг среди оголтелого хаоса прорезался тонкий, едва различимый плач, скорее похожий на скулеж брошенного щенка. Мы навестили уши, прислушиваясь к подозрительному звуку. Писк прервался, чтобы через минуту вновь повториться с какими-то булькающими переливами. Самым странным и необъяснимым было то, что звук исходил прямо из пустоты в центре комнаты. Мы обступили это место и уставились на него, не зная, что и думать. Признаюсь, у меня мурашки побежали по коже, когда я заметил, что в воздухе формируется силуэт маленького призрака. Спустя некоторое время он стал довольно-таки различимым. Ребята, вытаращив глаза, бледные, как стенка, уставились на существо, сгущающееся туманом. Майя сжала кулачки и шагнула вперед. Между тем при-

зрак довольно-таки уплотнился, и мы увидели пугающее создание – косолапого малыша с несуразно большой головой, жгучими глазищами нетопыря, ушами враслопырку, желтыми лапами нараскоряк. До сих пор, вспоминая это событие, я не могу понять, как это мы в тот жуткий момент не дали деру, наверное, все-таки нас удержало мужественное поведение Майи. Скорее всего, это так. Разглядели мы, что одет был он в короткие штанишки с ляжками крест-накрест, линияющую рубашонку, волосы на голове-кочерыжке торчали во все стороны стружками из ушей ползли отростки грибов, на чумазое немытое лицо налипли листья и лепестки цветов. В носу малыша хлюпало ненастье, в черно-искрящихся очах угасал недавний ливень, вообще было заметно, что у чуда-юда осеннее непогожее настроение. Мы всё же никак не могли прийти в себя. Карапуз потупился, невыносимыми, кишащими зрачками пытая пространство, вернее, наши души, корявый палец, как обычно, принялся искать вчерашний день в ноздре, и мы облегченно вздохнули: бояться вроде бы нечего, так ведут себя все малые дети. Малец моргнул пару раз, затем лицо искривилось, и вдруг на нас хлынул густой басовитый рев. И это было самым потрясающим: слезы брызгали на пол и тотчас шустро расползались тараканами, жужелицами, мокрицами. Мы ужаснулись – где наша отстиранная, отмытая добела мансарда? Первой опомнилась Майя. Она склонилась над истоиво ревушим малышом и строгим голосом спросила: «Ты кто такой?» Карапуз всхлипнул, переводя дыхание, как будто набираясь сил перед новой атакой, из-под длиннющих ресниц брызнули черные бусинки то ли улыбки-смущенья, то ли испуга-оглядки куропатки *Бодене*, опретью бегущей краем поля на слишком тонких ножках последнего цыплячьего лета. И мы почувствовали с особой остротой, особенно это было заметно по лицам девчонок, что невероятные глазища Ушастика, два черных омота, кренящие наши души в Тмутаракань, непроходимую пещерную тьму, с неодолимой силой влекут к себе, пугая и холодя сердце ощущением нечеловеческой прелести и запредельной неизвестности. Мы были заморожены и одновременно донельзя напуганы, в каком-то томительном ступоре чувств смотрели на эти две совершенно бездонные заводы, в которых плескались звездные ночи, немыслимая чистота, непостижимая наивность и доверчивость. Этот кошмар – глаза херувима или нетопыря? Малыш вновь всхлипнул, готовясь обрушить на нас водопад плача. Надо было его опередить.

– Ты почему так горько плачешь? – еще более строгим голосом спросила Майя и оглянулась на нас.

Ушастик потупился, помолчал немного и, искоса с неподражаемой горечью глянув на Майю, пролепетал:

– Почему никто со мной не играет? Я один, совсем один.

Новый приступ детского рева, неистово-отчаянного, бьющего по нервам, со слезами в три ручья. И это было слишком для нас. Чтобы только не слышать самый несчастный, самый жалобный плач на свете, который и мертвых поднял бы из сгнивших гробов, мы кинулись утешать карапуза. В ход пошли конфеты, игрушки, уговоры, фантики, марки, этикетки.

Наш Тентек, не выносивший никакого скулежа, схватился за голову и опретью кинулся прочь из мансарды. Мы же были слишком гуманны, слишком воспитанны, чтобы бросить беззащитное, обиженное дитя. Мы топтались вокруг него, теряясь в догадках, как справиться с ребенком.

Между тем наша горница продолжала заполняться воинством всевозможных насекомых – тараканов, жуков, щелкунчиков, многоножек, всякой нечистью, обожаящей гниль и сырость. Бурный порыв ветра распахнул окна, ночь глянула на нас с возмущением, дескать, кто здесь обижает ее дитя, и на постель, на пол полетели ворохи свежей листвы – похоже, осиновая и тополиная рощи посылали гонцов на помощь своему маленькому *Ие*. И я ощутил, что живем-то мы среди джугарного поля, лесов, облаков и неба, стены же, – только ширмы, обманно наволоченные нами самими. На самом деле мы находимся в полной власти грозных стихий. Как Майя догадалась это сделать, не знаю, но она вдруг обняла малыша, прижала к груди и от всей души чмокнула его в запачканную щеку. И тотчас нас окружила тишина, звенящее, огромное половодное безмолвие. И мы расслышали, как во дворе в колодце с доньшка ведра капает остатняя вода, как истово вибрируют среди стеблей камыша и тростника крылышки джугарных комаров, дюже лютых, а в глубине почвы с шорохом подвизаются дневальные рыжие черви в поисках света в конце туннеля. Малыш между тем весьма удобно устроился на руках Майи, чумазое личико заметно порозовело, а глаза излучали довольно-таки миролюбивый свет. А в этих огромных, широко распахнутых очах отражались мы, кучка кукурузных подростков, братиков и сестер, растерянных, побежденных даже не в битве броненосцев, и не испытанным морским волком, а каким-то непонятым мальцом. Майя подошла к кровати, уложила человека-кочерыжку на ослепительно белую простыню, отстегнула лямки штанины, – несуразно большой желтый живот оползнем вывалился из складок одежды и расползся по постели. Нельзя было без содрогания смотреть на этот нездорового цвета сивушный холм, вольготно расположившийся на невинных корпешках. Эта гора плоти так и притягивала наши взгляды.

– Да кто же ты такой? – задумчиво произнесла Майя.

Она села на край кровати, и ее пальчики, как будто обладая самостоятельной волей, забегали, заиграли на пузе малыша, теребя и разминая какие-то комки и узлы, собравшиеся вокруг пупка. В ответ живот что-то утробно пробурчал с весьма удовлетворенной интонацией. Мы все подались вперед, ибо звук был неразборчивый.

– Что? – переспросила Майя.

В ее глазах блеснуло изумление. Новые рулады бурчания-урчания.

– Наш дом? – вскричала Майя, оглядываясь на нас.

– Что? – мы подались вперед, словно громом пораженные, не веря услышанному.

– Он говорит, что он Ваш, то есть Наш дом, – Майя смотрела на нас остановившимися глазами.

Мы, наверное, представляли собой в этот момент не самую лучшую сцену в истории села. Во всяком случае, пауза была красноречивей выражения наших немых физиономий.

Пальцы же Майи продолжали бегать, копошиться, растирать и разминать узлы застарелой боли, накопившейся в бездне малышовского одиночества, неведомого и неопишуемого, берущего начало даже не в нашем мире. Он же сопел и млел от удовольствия, распускаясь все шире тестом, лезущим из квашни. Нам было не по себе, еще бы – наша Майя, командир и властитель дум, еще час назад

принадлежавшая нам всем, оказалась в безраздельной власти несуразного уродца, завладевшего ее вниманием. Губы ушастика пузырились слюной, противно извивались в улыбке блаженства. Мы переглядывались: мы, были, конечно, потрясены, но еще более – возмущены наглым вторжением в нашу жизнь существа, у которого и имени-то человеческого не было. Вдруг раздался громкий характерный звук. Мы едва не прыснули дружным смехом, но Майя бросила на нас грозный взгляд и приложила палец к губам. Спустя минуту зазвучал ее нежный, мелодичный голос, выведивший так знакомую нам колыбельную: «*Альди-альди бобегим*». Похоже, малец засыпал, погружался в пучины дремы, безвестной для него самого и спасительной для нас. Когда малыш уснул, мы столпились вокруг кровати, во все глаза разглядывая человекоподобную кочерыжку, так удобно разбросавшуюся на девичьей постели. Уродца родила на наших глазах внутренняя пустота дома, вверило ли его нам Провидение – это было, конечно, неизвестно. Если вверило, то для чего, и почему приезд Майи так странно совпал с появлением карлика? Как бы то ни было, с каких-то пор наша жизнь непонятным образом изменилась, события покатались как лавина с горы. (Ты опять ощутил на себе взгляд Собеседника, брошенный из-под шляпы.) Тентек, как бы до сих пор не веря своим глазам, потрогал ногу малыша. Мы даже обнюхали его, может быть, это всё-таки призрак, порожденный наваждением тростникового поля? От ушастика сильно несло скипидаром, древесной смолой, чуланной пылью, крахмалом и еще обычным потом. Мы пожалы плечами, всё еще продолжая изучать его недоверчивым взглядом. В окна дул прохладный шелестящий ветер, подмышки малыша странно осыпались тенями, расслаивались силуэтами, эти пещерные ниши казались густо населенными всякой нежитью, причудливой, неуловимой, существующей на грани прошлого и настоящего, непосильной для восприятия. Наше воображение живо рисовало всяких многоножек, мокриц, лжескорпионов и сколопендр, шмыгающих во влажных недрах, обжитых молью, выевшей не только одежду джугарных старцев, но и сам последний срок, баркас, застрявший на краю камышового поля, плещущегося в зрачках перепелки *Бодоне*, бегущей и оглядывающей плутониевым сиянием чудо-юдо последнее, ненаглядное. Карлик, похоже, был населен основательно всякой-всячиной, существами и призраками, о чем, конечно, сам не ведал, как и всякое неухоженное, заброшенное жилище.

– Не хватало нам еще джупирных сов и филинов, волков и волкопсов, бойцовых крыс и сурикатов, – в сердцах сказала Майра, качая головой. – Такой маленький, а столько на нем всякогоросло. Бедняжка...

Мы все с сочувствием взглянули на уморительного карапуза, всё еще не в силах ни привыкнуть к нему, ни принять его нелепое уродство, ни объяснить разумно его появление в среде нормальных мальчишек и девчонок. Затем по команде Майи мы вооружились вениками, тряпками, совками и дружно принялись за уборку. Мы поняли, что малыш поставил точку в конце длинной строчки о нашем безмятежном детстве – рае братиков и сестер под защитой деда. За этой точкой начиналась сплошная неизвестность.

Чуть ли не до зари мы с проклятиями выметали из мансарды насекомых, забившихся в щели и другие укромные места, чтобы заселить новое пространство, заворожить своей чумной магией и обратить его в непроходимые топи и болота, непролазную Тмутаракань, столь любезную их сердцу. Лишь к утру мы кое-как

управились с этим непростым делом и с первыми лучами солнца попадали на свои матрацы, отчалив в блаженное небытие, неведение тревог мира.

Проснулись мы утром то ли следующего дня, то ли предыдущего – кто его разберет, все перепуталось на страницах джугарных летописей с появлением кургузого малыша. И как только непоседливое приставучее Диво-солнце, щекоча веки, раздвигая ресницы, полезло в сумерки внутреннего мира, едва только мы разомкнули глаза, как тотчас услышали песню Нашего дома. Да, именно так когда рыжий ветер вчерашнего дня от всей души с размаху ударил по стрехам мансарды, а по стеклам побежали, заструились яркие змейки, смешливые, нетерпеливые, зовущие покувыркаться в волнах дальних полей, мы, еще чумные, еще в плену снов, осознали себя затопленными звуками небывалой песни. Вначале различался лишь беспорядочный топот босых ног по музыкальным ступенькам мансардной лестницы. «Ту-ту-ту», – несмело набирали строчку аккорда на клавишах тополиной и осинової рощи, напоминая им о затаенном, полузабытом буйстве ливневого лета. «Ду-ду-ду, – гудело все сильнее и глубже. – Как вы могли забыть про радость листвы, восторг ветвей, прорастающих навстречу дождю, синему смеху неба, бьющему упруго по щекам, груди, ознобной и прохладной силе, влекущей в стремительное движение? Как вы могли забыть птичий грай, волнение крыланов, несущихся опроретью под сенью листвы, чтобы поведать о тайнах плодов, зреющих на ветвях, наливающихся соками, млеком, медом, ароматами? Как вы могли забыть про ревунов джубуйных, с надутыми щеками и выпученными глазами орущих навстречу муссону, с истовой дробью кулаками по груди, вызывающих на поединок ураган джугарный, бескрайний, мрачный, словно преисподняя. Вы, покорные топору и стругу, марширующие по строчке, линейными рядами вниз, отдающие дань чувству долга, до пола, до ровной плоскости теряющие себя; еще недавно вы были могучими деревьями, до небес взметнувшими древесную мощь. Еще вчера вы пели грачами, кликали орлами и ястребами, ухали ночными совами и филинами, свистели воробьями и скворцами, кишели муравьями и термитами, колыхались лесом, джугарным, джусойным, джубуйным, поющим и пляшущим на заре, а вечером голосом перепелиным зовущим супругов и малых деток к гнездышкам на покой? И мы сквозь сон почувствовали густое грустное молчание досок. А что им было отвечать?

«До-ре-ми-фа-соль-ля-си», – пробежала трель снизу вверх. И, ей-богу, случись снова дождь, веселый, шумный, пенный, бьющий не по коже, а по сердцу, опрокидывающий душу в тайны незабвенного единства, выдержали ли бы мы щекотку пернатого *Ие*? Наверняка запели бы во все горло, рванулись обратно к небу, превозмогая гипноз древоточцев, проклюнулись бы ввысь новыми почками, ветвями, ища прикосновение, дуновение птиц, наливаясь чувством полета, ведь деревья и птицы – один поток. «Воистину так!» – подтвердило безмолвие из своего сумрачного далека, и тотчас невидимые подошвы радостно помчались, обрушивая каскады звуков вниз в оркестровую яму кухни. Заворковали голуби под крышей, затем внизу зазвенели, наперебой застучали ложки, вилки, откликнулись стеклянными голосами стаканы, пиалки, ахнули ведра, кастрюли. Всё население кухни отозвалось зовущей воле, расправило крылья и подняло пространство в полет несметный, кружение пушисто-крылого, мягко-вейного Уку-филина.

И опять тишина, особенная, звенящая миллионами натянутых струн. Невидимый дирижер замер в высоте предощущения со своей чуткой палочкой. И тогда глаза Малыша-утенка разглядели абрис девочки, худенькую фигуру, замершую в первой танцевальной позиции, – точеная головка в горделивом повороте высокой шеи, руки до предела вскинута вверх, торс застыл в неустойчивом порыве, правая полусогнутая нога развернута вперед, другая – как бы отставшая, в мощном напряжении уже чертит направление движения. Пауза длилась, истончаясь, затем она рассыпалась веером видений, и перед твоим взором вспыхнул силуэт газели, застывшей в грациозном повороте в сторону тигриных зарослей. Высоко посаженная изящная головка, увенчанная бархатно чуткими ушами, ловит каждое движение тростников, жемчужно дрожжие, иссиня-черные глазища, разрезу которых позавидовали бы самые красивые женщины, ищут и с трепетом вопрошают что-то у чащ: смерть или спасение пошлют они в следующую минуту? И вдруг лавина хрустальных бусинок рухнула откуда-то сверху на ступени музыкальной лестницы, разом помчались вниз по клавишам нашего сердца упоительные звуки, и над потоком полетели лепестки и листья наших полей, кукурузных и подсолнуховых, гречишных и пшеничных, красных, оранжевых, желтых, багряных, зеленых световых брызг, запутавших навечно смех, крики и улыбки, волнение и восторг, гонку с небом и землей, травами и птицами. Ей-ей, тогда воистину не было никаких мальчиков и девочек, а были только кургузые дрофы, на тонких ножках сломя голову бегущие краем поля за сиянием позднего перелетного перепелиного лета.

И мы узрели танец нашей гостьи, рыжей девчонки по имени Майя. Немыслимым прыжком перелетела она пространство мансарды – мы ахнули. Однако звуковой вихрь оттолкнул ее от стены, и оттуда, грациозно выгнув руки, наклонив голову вбок, стремительно, словно вышивая тычинками носочков трепещущий узор, понеслась по чуткой канве души, выписывая волшебные письмена нашего восторга, рассыпая всполохи дивной красоты, разлетающиеся образами белого лебединого горя и счастья. Летели строки тростниковой любви, неумолимо осыпающиеся перьями над бездной Леты. Позабыв обо всем, танцевала она окрыленный танец, стоголосо заливался оркестр цикад и кузнечиков Нашего дома, каждая птица выводила свою ноту, даже водосточная труба пела протяжно и объемно поднебесным гобоем.

И оглядываясь сквозь время на эту сцену, ты, Снежный воин, выброшенный силой кошмара из снежной мути, опять же сам – Странник, затерянный голограммо-дождями имперской мегабашни в катакомбах крысиного города, и, наверное же, – Жан, отравленный жалом последней минуты, этими разными Я всё же ясно осознавал, что более светлой минуты в твоей жизни, чем этот танец, не было. Такой сон никогда никому не снился. Не танцевала никогда никуда не приезжавшая тем летом рыжая девчонка на мансарде несуществующего дома музыку никем не написанного «Лебединого озера», не выводило Время в сердце кукурузного мальчика символы танца, не приснившегося ни Собеседнику, ни старикам из тумана поля-джугары.

Всё это ты понимал сознанием коммунального, квартирного пухляка, удобно устроившегося в кожаном кресле напротив невозмутимого Собеседника и листающего желтые страницы бумажного, еще не развеянного крысами праха. И эти мятые листы, неведомо как оказавшиеся в рюкзаке Странника, призрачным

голоском поведывали тебе историю, случившуюся некогда среди просторов кукурузных полей в новом рубленном дедовском доме. Вот уже вторые сутки с лупой в руках ты изучал корявые, набросанные чьей-то торопливой рукой, мятые строки, похожие на следы чибиса на мокрым песке. И твой внутренний голос сливался с голосом далекого джугарного мальчика, таинственным образом через тьму лет, города и годы нашедшего в тебе своего внимательного Собеседника. И почему-то тебе позарез нужно было, чтобы этот голос и необычная история, поведенная им, вошли глубоко в твою душу, отложились там так же обстоятельно, как план твоего последнего Дома.

Теперь мы без всякой боязни совершали походы к нашей запруде, чтобы от души поплескаться в прохладной воде, позлащенной чешуей золотых рыбок-хариусов. Банда колубанских не смела показываться нам на глаза. События складывались как нельзя лучше, и все же встреча с самим Мурой произошла опять-таки неожиданно.

А случилось это так. Изрядно нашалившись в пруду, мы вышли на берег, чтобы погреться на горячих камнях. Помню, внезапно наступила тишина, словно чья-то пятерня прошла над нами в воздухе и собрала галдеж. Не сразу я понял, в чем дело, пока мой взгляд не наткнулся на разлохмаченную коренастую фигуру. Мура? Набывчившись, парень стоял напротив Майи, буравя ее взглядом исподлобья. Вид атамана колубанских поразил нас. Физиономия Муры была украшена синяками и ссадинами, рубаха и штаны грубо разорваны во многих местах. Похоже, парень только что выбрался из нештучной свалки. Кто же его так отделал? Мура едва держался на ногах. Тем не менее, он с вызовом смотрел на нас, вполне намеренно напрашиваясь на драку. Вид у Муры был ужасный, мы никогда не видели кулачного бойца в таком состоянии. Он вновь полосонул Майю огнем жестко прищуренных глаз.

– Ты, городская стерва, опозорила меня перед братанами. Ты побила меня на глазах всех, и они, подлые твари, не простили мне моего позора. Как шакалы накинулись на меня со всех сторон, стали рвать, как загнанную собаку. Они мстили мне за старые обиды и страхи. Они хотели, чтобы я ползал перед ними на коленях и целовал им ноги. Они нагло смеялись и издевались надо мной, плевали в лицо, готовы были помочиться... (Мура скрипнул зубами). Для меня наступили океанские дни. И всё из-за тебя.

– Значит, раньше денечки твои были еще какими светлыми? – спросила Майя.

Мура угрюмо потупился, губы искривила гримаса презрения.

– Они забыли, что я потомок батыра Мамаю. Мой предок никогда не отступал, даже если перед ним была вся армия врагов. Он завещал нам: лучше умереть в бою волком, чем бежать с поля битвы, как трусливый заяц. Мой отец не вернулся с фронта, а дед погиб в лагере. Кровь предков вспыхнула во мне, и я бросил им всем вызов. Их было сорок, они вышли против меня с палками и кастетами. Их было сорок, и они боялись меня. Я же хотел смерти, и мы дрались в поле. Никто не разнимал нас.

– И ты побил их? – спросила Майя.

– А что ты думала? Я выбрал смерть, поэтому победил. Я же знаю их, как облупленных. Я гнал их до самого села, катал их пинками, они ревели, как свиньи.

Я преследовал их до самых дворов, они попрятались в погреба и сараи, забились в норы, как суслики, – Мура сплюнул кровавый сгусток, лицо его было бледно.

– Молодец. Значит, ты отлупил своих, чтобы другие боялись, – Майя усмехнулась и оглянулась, как бы проверяя, все ли на месте.

Мы сразу поняли, что это знак быть наготове. В воздухе повисло напряжение, мурашки побежали по спине.

– Нет... Ты тогда сбила меня приемом. Но всё-таки я сильнее тебя, всех вас. Вон под кустами сидят зареченские и автобазовские пацаны. Они будут свидетелями. Я вызываю на драку не только тебя, но и всех вас. Я не могу допустить, чтобы какая-та девчонка одержала верх над атаманом сорвиголов. У меня нет ни ножа, ни кастета, вы можете использовать всё, что хотите. Но я буду драться до смерти, знайте это. Я не уйду отсюда, пока кто-нибудь из нас не окажется на земле...

Мура проговорил это спокойно, твердо отмеряя слова, но именно от этого нам стало не по себе. Я понял, что эта драка будет непростой, и от этого озноб так и пробрал меня всего. По-прежнему блестя на солнце речные перекаты, визжала в пруду малышня, гоготали гуси, маслянистая рябь неслась по листьям ив и тополей. Но вместе с тем что-то в мире необратимо изменилось, как будто ушло что-то теплое за горизонт жизни. И не только я почувствовал мороз в летнем воздухе, – Малыш, прикорнувший из-за жары в рюкзаке, нервно дернулся и захныкал тоненьким голоском.

– А если я опять поколочу тебя, что тогда? – Майя бросила испытующий взгляд на Муру.

Однако его глаза не убежали *коянским прыг-скоком*.

– Тогда где-нибудь в поле я разрежу себе вену, – Мура помрачнел, но был по-прежнему спокойным.

В рюкзаке ощутимо зашевелился Малыш-утенок, он издал жалобный стон, зовя Майю. Она стояла всё на том же месте, но было видно, что она что-то обдумывает, изучая рассеянным взглядом противника. С таким лицом не готовятся к жестокой и решительной схватке, мне очень не понравилось странное выражение ее глаз. Тем не менее, раз она так спокойна, значит, у нее есть что-то на уме, какая-то заготовка, или уловка, которая выручит нас всех. Или нам придется со всех сторон идти в атаку на Муру, который будет драться, как бешеный пес. А хватка у него железная и свинцовые кулаки. Я оглянулся на Тентека, прежнего нашего атамана. Он подмигнул мне и показал на свинчатку, припрятанную в ладони. И я понял – жестокой свалки не миновать, одна Майя не может заслонить нас всех, братьев и сестер. Но ведь мы тоже не лыком шиты. Но Мура один одолел сорок парней! Эх, была не была, где Тентек, там и я. Всех смертей не сосчитать, одной же не миновать!

– Я слышала о батыре Мамае. Мы тоже его потомки, не ты один, – произнесла Майя и шагнула к Муру.

Мы подскочили как пружины подброшенные. Мура спокойно ждал удара, но произошло неожиданное. Майя приблизилась к парню, мягко взяла его за руку и прижалась губами к тыльной стороне его ладони. Что такое? Мы все как бы на минуту ошалели.

– Ты действительно потомок воина. Пусть все видят, как городская девушка, каратистка, склоняет голову перед Муратом. И это не позор для нее, это поступок женщины, знающей законы своего рода. Хочу сказать, что рада видеть такого

джигита, готового в одиночку выйти против сорока, потом вновь бросить вызов еще другим. Два века назад такие батыры прогнали вражеские полчища, которые наполовину вырезали наш народ. Никто здесь не может сравниться с тобой в храбрости. Я во всеуслышание это говорю! Однако никогда не унижай слабых, защищай беззащитных, пусть это будет даже сурок. Таков путь истинного воина. Понял это?

С такой внутренней силой произнесла эти слова Майя, что мы все поняли конечно же, и Мурат тоже, что она нашла единственно верный выход из сложной ситуации, и что это отнюдь не поражение для нее. Мурат расслабился, на его лице засветилась смущенная улыбка. Он прятал глаза, и нам было понятно отчего.

С тех пор Мурат старался быть с нами. Он появлялся сразу после завтрака с железным посохом в руках и старым рюкзаком за спиной. Взяв с собой припасы еды, мы, возглавляемые Майей, на весь день уходили в поход по окрестным косогорам и ущельям. До самых потемок бродили по скалистым склонам, ломая ревеня, дикий лук, собирая грибы и ягоды. Что за денечки то были! Майя рассказывала нам о жизни в городе, о своих друзьях и подругах. Мурат был неистощим на всякие охотничьи байки, пробуждая в нас удивление перед таинствами природы. Выслушав очередную занятую историю, мы с волнением смотрели на кряжистые хребты, всё дальше и выше туша за тушей громоздящиеся на востоке. Там начинались лесистые, совершенно безлюдные места, крутые склоны, распады и перевалы, сколько ни смотри – сплошь заволоченные тьмой таежных дебрей. По дну ущелий, перевиваясь, стремились вниз горные потоки, пенные, сердитые, студёные, с нехожеными заросшими берегами. Перед нашими глазами возникали заманчивые сцены. Воочию мы видели, как по отлогам и плесам этих речек в зарослях малины, кислицы, барбариса и ежевики снуют барсуки и росомахи, бродят медведи, повыше в расщелинах пасутся олени и тау-теке, а в непроглядных пещерах таятся, дожидаясь своего часа, пятнистые барсы.

Мы представляли леса, густо обступившие снежные вершины, омытые небом, утесы, прикрывающие гранитными плечами медвежьи облепиховые и рябиновые ложины, непроходимые осинники и березовые колки, уходящие всё дальше вглубь горного безбрежья, мира вечного сумрака, тумана и прохлады, под тенью кедровых кряжей, замороженных и заколдованных затейливым кружевным бегом волков и волкопсов. Именно там, казалось нам, где не хаживала нога человека, укрылись заповедные ягодные лужайки, багровые от изобилия земляники, разлаписто раскинулись тучные кусты рослого ревеня. Ягоды, ревеня, грибы, дикий лук и чеснок были предметом нашего вождения, в то время как внимание Мурата больше было сконцентрировано на мясе всякого рода дичи. Он с упоением рассказывал об охотничьих ружьях, о дробе и картечи, о капканах и стальных ножах, которыми можно было рубить берцовые кости. И всё время он ссылался на авторитет своего деда, охотника по имени Мустафа. В десятый раз повторял Мурат нам некую историю, как однажды Мустафа на горной тропе в одиночку схватился с медведем. Там в горах мы охотно верили байкам Мурата, не осмеливаясь оспаривать подвиги легендарного странника, о котором мы слышали и раньше. Подолгу жить в одиночку в лесу, ночевать в волчьих лесах и медвежьих логох, бродить по диким местам, где витают тени зловещих *Ие, жезтырнаков* и

сорелей с медными когтями – разве это само по себе не было подвигом, достойным всяческого уважения?

Однажды Мурат на привале продемонстрировал нам занятный секрет своего посоха. Ухватившись за выступ на железной штуковине, он дернул вниз, и из конца трубки с лязгом выскочил длинный штык, заточенный обоюдоостро. Это было самое настоящее оружие, которым можно было колоть или рубить с размаху. «Упырь называется, – пояснил Мурат, с гордостью глядя на нас. – Незаменяемая вещь, если ты в горах один. Я сам сделал». Мы долго молчали. У Мурата такое оружие, и он один ходит в лес... Нечего говорить – авторитет Мурата значительно вырос в наших глазах. С того самого дня для нас открылась романтическая, притягательная сила оружия. Мы принялись мастерить рогатки, арбалеты, луки и стрелы, кистени, булавы, копья, пугачи. Воображение увлекло нас в мир войны, и теперь во время походов, где-нибудь в ущелье мы, разбившись на два лагеря, устраивали едва ли не подлинные сражения с применением накопленного оружия. Возвращались домой, украшенные синяками, царапинами, но неизменно довольные. В эти дни Мурат незаметно оттеснил на второй план Майю, ведь он был незаменимым мастером-оружейником, кроме того, во время битвы с впечатляющей силой раскрывался его талант опытного командира. Мы невольно подчинились Мурату, и Майя особенно не возражала против этого. Она была покорена красотами грозных гор и бескрайних полей, больше молчала, думая о чем-то своем. Мы ей не мешали.

Возвращаясь с прогулок, мы неизменно задерживались возле наших полей. Я нырял в гречишные заросли, Тентека неудержимо заманивал цветущий татарник, девочки рассыпались где-то на просторах кукурузных или подсолнуховых гектаров, однако рано или поздно мы все собирались на краю желтого пшеничного поля, где Майя поджидала нас, устроившись на склоне холма. И мы без всяких слов понимали, что ей по нраву картина разливанного моря спелой пшеницы, струящего во все стороны пряный аромат хлеба. Мы устраивались рядом, и нашим глазам открывались то желтые, то темно-золотые, то багряного оттенка, то спело-соломенного цвета, то ярко полыхающие, бликующие солнцем доли, и глаза не уставали любоваться текущими оттенками той щедрой и размашистой силы, которая предстала пшеничным полем. В иную минуту она казалась на ступающим ветровым морем, разлохмаченным бурей, там и сям неслись над волнами неистовые смерчи, вороша усатые снопы, валя их то в одну сторону, то в другую. В следующую минуту – бесконечным смутно-желтым порывистым полотнищем, сотканным из массы нитей, находящихся в постоянном движении, затем поле вспыхивало роскошной карминово-пурпурной накидкой некоего великана-властелина, уже ушедшего за гребень горизонта, плащ же продолжал неустанно шевелиться, волочась и пыля, выдавая движение хозяина. Именно это поле обещало нам щедрее других и говорило нашему сердцу больше постоянной игрой тонов и оттенков, льющихся издали по воле ветра. Поле умело рисовать, и мы, сидя рядом с Майей на теплых камнях, видели на желтых страницах пространства то летящих журавлей, то бредущих старцев, то бегущих волков, то размашистую птицу-симург, накрывшую крыльями полмира. А однажды оно показало нам толпу мальчишек и девчонок, несущихся куда-то сломя голову, и мы без труда узнали самих себя, джугарных братиков и сестер, унесенных Ваюном прекрасным, благоуханным. Многие часы провели мы на краю хлебной долины,

поющей и шепчущей голосами жаворонков и свиристелей, дроздов и скворцов, воробьев и пеночек, дышащей широко и душевно усатыми устами, такими добрыми, такими теплыми. И вместе с птицами бессознательно пели и шептали мы, терялись, заблуждались среди гуляющих золотых волн и снопов, нередко обнаруживая себя в самых разных местах поля то дрофами, то перепелками, не совсем уверенными в том, где они находятся, во дне вчерашнем или в неверном сегодняшнем, всегда ускользающем в неохватных объятиях неопределенно будущего. Таким было поле, и мы никогда никому не выдавали его свойств, в том числе и Мурату.

Мурат, видимо, толком не вникал в наши отношения с полем, во всяком случае, здесь он рядом с нами не задерживался. Ссылаясь на дела, он быстро уходил, чем-то раздраженный. И все-таки, как ни утаивали мы свой главный секрет, он однажды был обнаружен. И вот как это произошло.

Мы сидели на склоне холма и зачарованно созерцали поле. Мурат скорым шагом ушел куда-то вниз в сторону села. Мы забыли о нем, всецело, всей душой погружившись в картины, сменяющие одна другую. Мы чувствовали – поле говорило с нами, оно показывало нам нашу судьбу, события мира, и от многого, открывшегося нашим глазам, холодело сердце. А пшеничные колосья, подчиняясь невидимой силе, продолжали рисовать. И вдруг мы увидели сумеречный силуэт, раскинувшийся по полю. Тень напоминала фигуру воина в черном одеянии, в мерцающей темной накидке, вооруженного каким-то оружием, похожим на трезубец. Зловещая фигура словно из-под земли появилась, разрастаясь по пространству. Силуэт, клубясь, лохматясь, издалека плыл к нам, нацеливая трезубец прямо на нас.

– Вы видите это? – спросила внезапно Майя.

Братья и сестры, напуганные, показывали на силуэт, быстро движущийся через долину. И я тотчас понял, что вижу отнюдь не призрак, а что-то пугающе непонятное, коль этот образ оказался воспринят всеми нами. Мы были готовы дать стрекача, настолько были ошеломлены. И все разом облегченно вздохнули, когда внезапно из пшеницы вынырнул Мурат. Он что-то возбужденно кричал, размахивая правой рукой. Когда он оказался поближе, мы разглядели у него в руке симпатичного суслика, крепко схваченного за шкирку. Зверек не сопротивлялся, он висел с покорным виноватым видом.

– На петлю поймал, – сообщил Мурат, показывая нам суслика. – Здесь у меня ловушек поставлено. Я уже набобачился гробить этих грызунов – врагов поля.

Внезапно зверек принялся суматошно дергаться и извиваться, душераздирающе вереща.

– Это не грызун, и не враг, а хозяин поля. Отпусти его, – сказала Майя, глядя на Мурата сузившимися глазами.

– Что? – изумился Мурат. – Кто тебе такое внушил? Все знают, что суслики – паразиты, вредители, враги крестьян. Об этом написано во всех книгах, учебниках. Ну ты даешь! Хотя откуда тебе знать – ты же горожанка.

– Пойми – это хозяин пшеницы, не мы – люди, а они – жители поля. Когда-то они научили людей сеять хлеб.

– Ха-ха-ха! – Мурат схватился за живот, изображая хохму. – Суслики научили людей? Провалиться мне на этом месте! Мы всегда убивали проклятых грызунов, травили их, уничтожали. Деды так поступали, отцы. И никто из них не говорил,

что сурки – учителя человека. Ну и ненормальная же ты, Майя. Я сам уже уйму крыс истребил, отправлю и этого на тот свет. Мне не привыкать.

– Отпусти его, прошу тебя, – спокойно сказала Майя, глядя куда-то в сторону на поле.

И мы вновь увидели дымный призрак, он был уже у края пшеницы, столбом холода сквозил через зыбкую толщу растений.

– Нет! – огрызнулся Мурат, глаза его зло сверкнули.

И тут рюкзак ожил, и в следующую минуту, совсем некстати, Наш дом выглянул на божий свет.

– Это что такое? – Мурат во все глаза уставился на ушастую мордочку, моргающую невероятными смоляными глазищами.

Ушастик вращал головой и тихо по-кошачьи мурлыкал.

– Сурок? Где вы поймали сурка? Нет, не похож. Что-то не пойму... Это существо? Отдайте мне его, – Мурат подскочил к рюкзаку и выхватил малыша.

Тот, оказавшись в цепких пальцах парня, отчаянно зашипел.

– Это – Наш дом! – дружно сказали мы, моментально сомкнув кольцо вокруг Мурата.

– Наш... Тьфу! Ваш дом? Вы что, спятили? – красные пятна поплыли по лицу Мурата. В одной его руке висел полуживой суслик, в другой отчаянно дергался карапуз.

Парень, похоже, был в смятении, но мы уже видели не раз, как Мура, вспыхнув пламенем ярости, в злой вспышке выходил из таких ситуаций. Развязка приближалась. От черного тумана отделился клочок тьмы и юрко метнулся к Мурату. И тут Майя неуловимым движением ударила по руке атамана и подхватила выпавшего ушастика. Тот сразу прижался к груди девушки и принялся упоенно, тепло ворковать.

– Ты... ударила меня? – с грозным видом спросил Мура, бледнея.

Глаза его остекленели в тумане нахлынувшего бешенства. Мы переглянулись – похоже, предстоит драка.

Карапуз продолжал петь, сияя глазами. Майя, умиленная, позабыв про парня, ласкала ушастика и что-то нежно ему шептала. Длинные пальцы Малыша коснулись щек Майи, песня, похожая на голубиную воркотню, заметно усилилась. Мы оказались затоплены мягкими, странно щекочущими звуками, которые кружили вокруг нас, вздымались облаком неопишимо розового теплого света. Этот свет трогал нас, вызывал желание кувыряться в беззаботном смехе. Мы растроганно улыбались. Из ушей Малыша вылетела стайка бабочек-махаонов, потом еще и еще. Вскоре мы оказались окруженными несметным количеством бабочек-парусников, которые дождем реяли, витали вокруг нас, озаряя тихим шелестящим свечением. Глаза Малыша трогали нас невидимыми магическими нитями, которые проникали в самую душу. Эти яркие щупальца дотянулись до поля, коснулись пшеницы, и тотчас долина озарилась длинными золотыми всполохами, и мы почувствовали токи радости, живого огня, которые соединили нас с бескрайней хлебной долиной. И мы воочию узрели толпы глазастых кургуzych малышей, которые, мерцая огоньками-очами, присоединились к мурлыканию Малыша. То были суслики и сурки, и было их несчетное множество, и они приветствовали нас своим пением.

Но мы забыли про Мурата. И зря... Лохмотья тьмы нетопырями кружили вокруг него, и он вдруг взорвался диким криком, швырнул на землю несчастного суслика и принялся ожесточенно топтать зверька. От несчастного создания только ошметки полетели.

Началось что-то невообразимое. Орал, грозил кулаком Мура, подступая к Майе. Малыш извивался в руках сестры и громко свистел, его губы вытянулись дрожащей трубочкой. Черные пенные волны побежали по полю. Свист становился все сильнее, он как-то странно воздействовал на нас, тысячами горячих змеек бегая по спине и покалывая в позвоночный нерв. Предгрозовой ветер широко дохнул исполинским зевом, и пыльный смерч одурело понесся над пшеницей, по широкой дуге приближаясь к нам. Растения заговорили бесчисленными голосами, качаясь из стороны в сторону, они предупреждали нас о драконьей силе, косматым вихрем мчащейся на горстку людей. Поле как будто обезумело. Сквозь порывы дымно расслоенного воздуха прорывался все тот же протяжный свист. Этот звук напоминал вой проводов в степную бурю, невыносимую горестную песню струн, в непрерывной вибрации исторгающих жалобную песню одиночества. На меня этот звук всегда производил тяжелое впечатление.

Между тем Малыш спрыгнул с рук Майи, коlobком подкатил к тельцу суслика. Он поднял окровавленный комок, и, мерцая своими кошмарными глазищами, из которых вылетали миллионы светлячков, принялся обдувать суслика трубочками-губами. Словно по команде, светлячки огоньками, сгустками зеленого света начали залетать в неподвижное тело зверька. И тут произошло то, от чего мы все похолодели – животное дернулось в руках Малыша, а огоньки со всех сторон так и ринулись в него, струясь зеленым пламенем. Суслик поднял головку и взглянул на нас своими блестящими бусинками-глазами. Малыш что-то ласково проворковал ему, косолапо заковылял к Муре. Тот стоял, бледный, как мел. Карапуз что-то ему сказал и протянул зверька. Мы не расслышали слов, но хорошо разглядели, как парень шагнул назад и поднял упырь. Щелкнул затвор, и острие сверкнуло куском синего льда.

– Нет! – завопили мы и толпой ринулись к Малышу.

Майя первой оказалась на месте, заслонила карапуза своим телом. Я никогда не видел таких глаз. Она неистовым взглядом била, отталкивала парня, и было ясно, что он уже не посмеет приблизиться к ней. Он повернулся и со всех ног кинулся прочь.

Серый кипенный воздух ревел буйволом, буря набирала силу, охватывая разлохмаченными вихрями долину. По дорогам мчались, дико крутясь, смерчи. Небо казалось безжалостно исполосованным когтями свирепого чудища.

Внезапно всё стихло. Вдалеке клином пробивалась через чертополох фигура бегущего человека. Над нами воцарилась провальная тишина. Мы стояли неподвижно. По лицу Майи катились слезы – она не отрывала взгляда от малыша. Тот с сусликом в руках уходил в густую пшеницу, а навстречу ему спешили тысячи уморительных карапузов, переваливаясь на коротких ножках. Малыш так и не оглянулся на нас. Вскоре пшеница поглотила Наш дом, и в безмолвии неба нам вдруг почудилось, что мы никогда не знавались с этим странным существом, и вообще эта невероятная история никому и не привиделась на краю большого поля-джугары. Может быть, это и так, только стало нам очень грустно, и возвращались мы домой опечаленными.

* * *

Истошно зарыдала сирена. Звуки тревоги сочились сквозь стены, изматывая душу страхом и горечью воющего существа. Население острова пришло в суматошное движение. Кто со стонами, кто с проклятиями, кто с руганью, однако, повинаясь сигналу, мужчины и женщины спешно одевались, хватали оружие, противогазы, бежали к выходу своих домов. Чутье подсказывало тебе, что это не учебная тревога, что зовут на нештучную передрагу. Собеседник понимающе кивнул головой, дескать, беги выполнять свой патриотический долг. На сборы ушло несколько минут. Всё было на своих местах в шкафу – заученными движениями руки сами хватали спецовку, снаряжение, оружие. Двигаясь, как заведенный, ты облачался в солдатскую робу. И вот ты перед строгим зеркалом. Черный шлем нахлобучен на голову, противогаз превратил тебя в пучеглазого монстра, кевларовый жилет топорщится на торсе, придавая тебе грузный вид, за спиной спаренный баллон со смесью, автомат-комби оттягивает правое плечо, огнемёт – левое, вид у тебя как у заправского вояки из комикса.

Пред глазами солдата замелькали страницы войны с джусойными тварями. Первые месяцы островитяне ожесточенно боролись с джугарой, выжигая ее авангард огнемётами. Затем возникли большие проблемы с горючим, и командование приказало использовать кислоту, особенно эффективную при тотальной очистке земли от семян джусойи. Споры джусойи имели разнообразные формы: чаще – веретен, соответственно – коварные свойства быстро ввинчиваться в подходящую среду, например – почву газонов. Поэтому наученные горьким опытом жители города назвали их буравчиками. Эти штуки быстро уходили от огня в землю, не которые из них были способны пробуровать даже асфальт, оставляя отверстия. В таких случаях джусойных шустряков гробили с помощью кислоты, которую закачивали в пораженную почву мощными пульверизаторами. Всё-таки всегда сотня-другая семян находила себе верное укрытие на каком-нибудь из пустырей, и тогда через несколько дней островитян ожидал воплощенный кошмар жестокой битвы с ходячими джусойными кустами. Поэтому третья часть островного народа, в основном женщины, старики и молодежь, была мобилизована на производство кислоты. Батальоны таких резервистов были заняты изнурительным прочесыванием пустырей, развалин, безлюдных мест, осмотром площадок и их кислотным протравливанием.

Осмотрев себя, ты произнес условное слово, тотчас щелкнул замок первой двери, сжал кисть на ручке второй, вновь сухо стукнул язычок бронированного дверного полотна. И вот ты на лестничной площадке. Включил защитную сигнальную систему – дом послушно замер за тобой, наглухо задраив все люки, вогнав в пазы все стальные запоры и стержни. Вот так, опасно затаившись, недоступный, враждебный всему чужому, он будет ждать тебя, и если понадобится – вечность. Тяжело топая, зашагал вниз. Вновь истерически взвыла сирена. Сигнал тревоги передавал сообщение о готовности третьей степени. Это означало, что началась атака врага. По спине пробежала струя холода. «Ну и заваруха!» – подумал ты, ускоряя шаг.

Повсюду, громяхая сапогами и ботинками по асфальту и жестяному покрытию газонов, бежали толпы солдат, стражников, резервистов, рядовых и командиров. Все были в спецовках биологической защиты. Отдельные людские ручейки, текущие по переулкам, слились в бурные потоки на проходах, веду-

щих к железным стенам. Тысячи подошв бегущих рот и батальонов выбивали дружный резонирующий топот, от которого, казалось, дрожали здания. Твое боевое место – третий уровень вышки номер 37. Сотни таких вышек жирафами выстроились по периметру ограждения, как бы заглядывая за наружную стену, туда, где за просекой начинались сплошные джугарные дебри. Каждый солдат и сержант знает свое место в оборонной линии, до автоматизма заучил действия, для этого проводились десятки учебных тревог. Во время таких учений ты уже не человек-бегемот и даже не новый сурикат, окопавшийся в бетонном логове, а рядовой 3-го отделения 9-го взвода. Названия частей и подразделений уже закрежены, их разглашать не полагается.

Группа солдат в черных шлемах отделилась от громыхающей массы, направляясь к ближней вышке. «Свои» – мелькнуло в голове, и ты присоединился к молча бегущим людям. Да, это были свои, мужчины и женщины, с которыми ты выстоял на этой вышке множество страж, в том числе и ночных. Вы плохо знали друг друга в лицо. Солдаты взвода были приучены распознавать своих по цвету касок, номерам на спецовках, и в жаркое время боя – по голосу в шлемофоне. Вы дали клятву: во что бы то ни стало защищать вверенный участок стены, и если понадобится – отдать жизнь во имя спасения этого человеческого острова. За спиной дым и копоть, хаос десятков сражений, ты видел гибель товарищей, многих уже нет в рядах твоей роты. Мучения раненых и агония умирающих – это картина, к которой ты никогда не привыкнешь. Каждая битва выбивает из колеи, и потом долго приходится отходить, вытаскивая душу из воплей, рева, зубового скрежета – кровавого омута смертельной карусели.

На третьем уровне вышки оборудованы позиции для некогда мирных мужчин и женщин, превращенных в хладнокровных вояк кровавой историей последнего десятилетия. Вы были когда-то инженерами, чиновниками, рабочими, учеными, простыми обывателями, но армейская осадная жизнь трансформировала вас в боевых машин, готовых по первому приказу огнем и свинцом разить в клочья врагов острова. Теперь вы, задыхаясь в проклятых противогазах, обжигаясь собственным потом, лезете вверх по ступенькам сторожевой вышки, всё выше наверх, стремясь к третьей площадке, где находятся ваши огневые позиции.

Десять секунд на то, чтобы отдышаться, пять секунд – автомат пристроен в пазухе амбразуры, затем ты хрипишь в шлемофон: «Готов к бою!»

«Бог ты мой!» – воскликнул юношеский голос где-то рядом. Ты, взглядевшись вдаль, почувствовал, как сотни морозных игл затанцевали на спине. Море джугары выглядело устрашающе – черный вихрь, гоня перед собой волны, от самого горизонта мутным половодьем несся по лесу, безжалостно мотая деревья. Эта пространственная сила необозримым цунами приближалась к стенам острова. Да, такого еще не было! Ты покачал головой и бросил взгляд на юг. На юго-восточной стороне арктическими исполинами высились три имперские башни, на разных уровнях соединенные галереями и мостами. Бирюзовые великаны как бы наблюдали за атакой джугары на обреченный остров. Да, жители боевых башен были, конечно, в несравненно лучшем положении, чем островитяне. Небоскребы до десятого этажа закрыты броневыми плитами, подходы к ним были заминированы и заперты монолитными бетонными каскадами. В этих крепостях обитали олигархи-миллиардеры, крупные чиновники, каста избранных военных, всякая крутая элита, а также подчиненные, обслуживающие

их. Когда джугара пошла в атаку на город, они закрылись в башнях со своими семьями, слугами. Они вовремя затарились лучшей техникой, суперкомпьютерами, роботами, оружием. Организовав оборону, железной дисциплиной сплотив солдат и рабочих, наладив производство ресурсов, они заманили к себе спецов, ученых, инженеров, кибернетиков, химиков и биологов. Успешно отразив первые атаки джугарных тварей и монстров, они изучили ситуацию на планете, сделали выводы. И началось неуклонное движение мегабашен ввысь к облакам и невидимое – нижних ярусов к источникам воды, залежам кварца и песка.

Еще до появления этих колоссов был изобретен новый строительный материал – трубчатая структура из переплетенных волокон углерода и стали. Кондовый материал был назван керамитом. Испытания показали его феноменальную продольную прочность, чрезвычайную устойчивость на изгиб и скручивание. Он оказался во много раз крепче лучших сортов стали и тверже алмаза. Со временем было открыто, что структуры керамита можно выращивать в бетонопластовых растворах, закачанных в полые колонны и балки. Так была получена строительная нанотехнология, которая позволила возводить небоскребы километровой высоты и более. На развитом уровне рутинная работа формования керамитовых колонн и балок была поручена строительным роботам, действующим по командам центрального компьютера здания. Несколько сотен керамитовых колонн, связанных балками и перекрытиями в мегаконструкцию километровой высоты, могли нести нагрузку в миллионы тонн. Прошло несколько лет, и по всей планете из гуш мегаполисов потянулись вверх невиданные цветные супербашни, поражающие воображение. Соединенные мостами в тройную архитектонику, эти небоскребы оказались дюже упорными против стихий, они уверенно выдерживали сильные землетрясения и ураганные ветры.

Как только население башен осознало угрозу джусойных грибков и бактерий (к этому времени три волны пандемий уничтожили большую часть горожан), внешняя поверхность зданий была герметически закрыта бронированным стеклом. В каждой тройке мегабашен – бирюзовой, оранжевой, зеленой, образовалось свое правительство, своя система правления, диктаторская, демократическая или переходная.

Ты посмотрел на тройку западных башен: картина поражала сознание грандиозностью фантастической панорамы – три оранжевых сюрреалистических колосса, казалось, обжигали небосвод столпами библейского пламени. Цветовые огненные блики бежали по спящим поверхностям небоскребов, будто языки начинающегося пожара. Стая вертолетов кружила вокруг масштабных туш северных темно-зеленых башен, похожих на группу утесов Рарараймы. Аппараты напоминали доисторических летающих ящеров, лениво парящих в потоках восходящего воздуха. Машины на севере, оцетинившиеся радарными, стволами лучевых пушек, встопорщившие гребни силиконовых батарей, всем своим грозным видом говорили о готовности к любым битвам.

Глядя на бирюзовые, оранжевые и зеленые мегалиты, взметнувшиеся над землей и лесом на недоступную высоту, отгороженные от всего мира броней, силовым полем и лучевым оружием, ты впервые с особой остротой почувствовал, что обормоты, закрывшиеся там – еще какие чужие, возможно, более опасные, чем джусойные твари.

– Небось, сидят себе, тешатся зрелищем битвы гладиаторов со зверями. Им-то ничто не угрожает, – услышал ты тот же голос в шлемофоне и согласно кивнул головой.

Не ты один так думал, все островитяне от мала до велика ненавидели расу башенных городов – упертых гордецов, по всей видимости, сумасшедших милитаристов. «Деньги! Будь они прокляты! Даже на краю всеобщей гибели разделили людей на вознесенную знать и толпу обреченных дегенератов. Бесспорно они в безопасном положении, керамит не пропускает ни споры, ни бактерии, ни пыльцу. Он так прочен, что может выдержать удар снаряда прямой наводкой. Нижние ярусы защищены шлюзами. Этих зазнавшихся охламонов прикрывает армия роботов и киборгов. Их склады забиты едой и ресурсами. Они производят машины, оружие, микропроцессоры, горючее, электричество. Они связаны Сетью с другими башенными городами на Земле. Они владеют информацией, недоступной для островитян. Ну, чем не новая раса вознесенных властителей? Кому как не им наслаждаться зрелищем не театральной, а подлинной битвы, разыгравшейся на площади у самых их ног?»

Ты сильно вздохнул, прогоняя спазму в горле. А мысли текли сами по себе, словно их нашептывал Собеседник. Другое дело – судьба острова. Цинковый забор едва сдерживает напор джугарных мастодонтов, зулонов, зубуйволов. Он трещит по всем швам, шатается, едва не распадаясь на части, когда в него с разбега врезаются тупоголовые джугомоты и зурогии. Джусойные кусты – кошмарные создания, полурастения, полуживотные, наловчились перебираться через забор с помощью присосок. Ограждение зияет сотнями пулевых отверстий, удручают взор солдата огромные вмятины на жести, коричневые грязевые нашлапки – останки сожженных тварей. Однако это жалкое строение не преграда для пыльцы, которая свободно покоряет пространство по обе стороны с помощью всесильного ветра. И эти крохи-споры и неразличимая глазом пыльца и грибки – главное оружие джугары, неотразимое, убийственное. Никакие стены против него не помогают, и население острова, подкашиваемое лихими болезнями, тает с каждым днем. Недалек тот день, когда эти стены будет некому защищать. Это и дураку ясно.

Более всего досаждали людям джусойные химеры. Несмотря на то, что все газоны, любая земная поверхность были тщательно прикрыты жестью, фанерой, пластиком, прыткие веретена всё-таки находили лазейку, чтобы ходко уйти на глубину. И через несколько дней в какой-нибудь столовой начинался форменный бедлам – это означало, что косматая тварь, разлохмаченная, словно морская сколопендра, шипя и свистя, стреляя во все стороны буравчиками, выбралась на свет божий из-под пола. Хорошо, если одна! Нападение пары десятков таких монстров требовало вызова целой роты вооруженных до зубов солдат. Затем поле боя тщательно обрабатывалось галлонами сильнейшей кислотной смеси.

Действия крупных и мощных джугарных воинов, зулонов, зубуйволов, зурогов и джугомотов, зубров однообразна и поэтому предсказуема, – собравшись в огромные табуны и стада, они упрямо пытаются пробить брешь в стене. Грохот при этом стоит ужасный. В то время как зурогии и зубры крепчайшими рогами колотили по забору, зулоны налегали всей тяжестью своих гигантских тел, джугомоты и кабаны с разбега таранили жесть, вертлявые джумуры и

джубезьяны с оголтелыми криками брали штурмом крепость, карабаясь по стене, швыряя палки и камни. Они устраивали самую настоящую психическую атаку, изматывая нервы солдат истошным визгом и ревом несметной бесовской рати. Поскольку эти чертяги могли без труда перелезть через забор, они представляли большую опасность. Немало ополченцев пало от их острых клыков и мощных, когтистых лап.

В свободное от службы время жители острова занимались укреплением стен заделыванием дыр, поиском джусойных спор и семян. На территории острова были уничтожены все сады, выкорчеваны даже пни, ибо растения представляли собой потенциальных союзников джугары. Места обитания людей представляли собой теперь безрадостную картину – это были ржавого цвета пустоши и бетонные надгробия домов. Тем не менее, джумуры и джубезьяны все-таки умудрялись то и дело пробиться к жилым кварталам. Учитывая угрозу этих бестий, командование острова приняло решение воздвигнуть вторую линию обороны – частокол из заостренных арматурин, опутанных колючей проволокой. Однако на завершение второй линии не хватало ни ресурсов, ни людских сил. Время теперь работало против осажденных островитян. К тому же джугара была дюже как способна ко всяким коварным изобретениям и уловкам.

Взяв у соседа бинокль, ты всмотрелся в сторону востока. Черные вихревые тучи неотвратимо приближались. Они распались на множество быстро вращающихся столбов торнадо. Между ними то и дело вспыхивали огненные зигзаги молний. Мгновенные лезвия огня, вспарывающие сумерки, высвечивали кипящую поверхность джугарного моря.

Ты знал, что лес обладает способностью влиять на погоду. Но в какой степени – это было пока неизвестно. Метеостанции на всех континентах прекратили свое существование. Воздушный флот, военный и гражданский, ржавел на земле, так как авиационная инфраструктура приказала долго жить. Несколько сот последних спутников продолжало летать по своим орбитам, обслуживая доживающую мировую сеть. Всем было ясно, что когда они исчерпают свои ресурсы, Интернет бесследно канет в прошлое, как будто его никогда и не было. С этой точки начнется новая эра разобщенности остатков человечества, возврат к эпохе кочевничества. Изолированные группы людей либо вымрут в бесконечных войнах, либо вступят на тропу повторной эволюции. Природа – мать жестокая, не допускающая власти отпрысков над собой. А как же иначе, ее возраст – миллиарды лет, человечеству же всего несколько десятков тысяч.

В последние недели под влиянием голоса Собеседника ты все время думал о поле, все глубже погружаясь в мрачные безрадостные догадки. В ушах шелестел темный вечерний голос, клубясь дымом, осыпаясь прахом и тленом, а ты смотрел на верхушки леса, тьма неясными смыслами касалась твоей души, и ты проникал, провидел, догадывался. Ты пришел к выводу, что этот остров, как и другие, обречен. Несмотря на героизм, мужество и изобретательность в обороне, люди неизбежно проиграют войну. По той простой причине, что воспроизводство остановилось. Женщины не хотят рожать детей, понимая, что их ждет в будущем. Молодежь косят болезни, она гибнет в сражениях, сильные парни и девушки уходят в лесные рейнджеры, исчезая в джунглях навсегда. Глядя на это, у других опускаются руки, безнадежность вселяется в сердца. И неудивительно: остатки

человечества – имперцы, конфедераты, островитяне, нейтраллисты – все ввязались в изнурительную войну, подозревая друг друга в производстве бактериологического оружия, в провокациях и предательстве. Говорят, в лесах появились банды странных отщепенцев – не то мутантов, не то джугарных неандертальцев, приспособившихся к вирусам, грибкам и спорам. Эти решительно действовали против всех людей, расчищая себе сферу жизни.

Если у кого-то есть еще шансы просуществовать пару сотен лет – то это у расы башенных городов. У этих есть новые технологии, они сплочены, пока не затронуты вирусами. Они сохранили медицину и фармацевтику. Ты слышал, что их ученые усиленно экспериментировали, пытаясь совместить искусственный интеллект и разум человека, итогом чего стали киборги – существа с процессорами, внедренными в мозг, в жизненно важные органы. Их глобальные союзы и консорциумы в мегабашнях неуклонно ведут к развитию неожиданной ветви человечества, насквозь кибернетической. Эта раса роботов и киборгов, созданная высоколобыми умниками-учеными, инженерами и военными спеццами, постепенно растворяет в сети кремниевых и белковых чипов биологическую матрицу своих создателей. По той причине, что творцы киборгов сами этого настойчиво возжелали. В недрах каждой махины-троицы, либо глубоко под землей, либо на недостижимой высоте за стальными многотонными задвижками и многослойной броней спрятан суперкомпьютер – сердце и мозг башенной цивилизации. Нет сомнения, что деятельность каждого жителя, любого механизма контролируется головным компьютером здания. И однажды неожиданно ты пришел к выводу, что цивилизация башенных городов построена по принципу сообщества термитов. Эта мысль глубоко засела в твоем сознании, наводя на неожиданные и далеко ведущие ассоциации. Ты решил: неплохо бы тебе проникнуть в одну из башен. Там ты смог бы найти единомышленников, которые оценили бы твои познания и умения. А самое главное – есть надежда встретить Ее. Судя по ее дневникам (ты нашел их вскоре после ее исчезновения), она была неплохим микробиологом, много лет осуществлявшим самостоятельные исследования, следовательно, ее могли заманить, или даже украсть настропаленные агенты 6-го отдела. Тогда ее следует искать в городе имперцев.

Именно эти надежды и чаяния в свое время заставили тебя тайком обыскать все закоулки острова, копаться в темноте в развалинах проектных институтов, мэрии. И однажды тебе крупно повезло – ты нашел карту подземных городских коммуникаций. Эту схему, уже затронутую водорослями и черной плесенью, ты тщательно перерисовал, пометил маркерами нужные тебе коллекторные маршруты. Голубым цветом подчеркнул линии теплотрасс, которые вели от твоего острова к мегабашням имперцев, оранжевым – федератов, красным – к ближайшему острову № 5. Работая над картой, ты не мог не поразиться открытию – под городом существовал другой, подземный, скрытый для большинства людей. Мало кто из людей мог представить себе эти многокилометровые коммуникации, теплосети, линии кабельной связи, водопроводы, подвалы, бомбоубежища, туннели метро со станциями, служебными помещениями, аварийными выходами, тысячи коллекторных ям, бункеры и подземные склады стратегического резерва на случай войны, катакомбы, идущие далеко от правительственных зданий. Это был пространственный, бесконечно сложный и неизвестный мир, спрятанный

от глаз постороннего человека. Эта карта стала для тебя даром судьбы. Она открыла человеку-сурикату новое поле деятельности, со временем потребовавшее все силы и умения, огромные траты энергии.

Проведя много времени в подземных ходах, ты увидел, что туннели и станции метро захвачены джугарными растениями и невероятными тварями. Поэтому этот путь оказался закрытым для тебя. Тогда тебе пришлось, где ползком, где на четвереньках, пробиваться по лоткам теплотрасс, заглядывая в карту и помечая нужное направление цветными мелками на стенках. И ты живо вспомнил, как полз в сутемени лотков, освещая путь фонариком, перхая, как овца, задыхаясь от пыли и острого крысиного запаха. Подобно гумусному дневальному червю извивался всем телом, пресмыкался в пучине, живя одной только надеждой – найти возлюбленную, вожделенную самку, королеву будущего логова. До ближайшего острова пять километров, под землей это – почти бесконечность, когда движешься, подобно червю земному, но ты все-таки добрался, разведав ответвления норы, пометив их знаками до самой цели. Пока она была безопасна, джугарные ящеры еще не открыли эти лазы. Потом ты точно так же проложил путь до подземного основания крепости имперцев, на много ярусов уходящего вниз. На всю эту деятельность ушло несколько лет. Но зато как сурикат ты был доволен – запасные пути внезапного отхода и спасения были приготовлены. А ведь сурикат – еще какое предусмотрительное существо!

Все эти годы ты не только изучал линии теплотрасс, особенно их повороты к разным кварталам и зданиям. Набив карманы литиевыми батарейками для шахтерского фонарика, затянув до упора монтажный пояс с закрепленными инструментами и армейским штык-ножом, с суточным запасом воды, галет и шоколада, ты отправлялся в долгие странствия по подземным лазам и ходам в поисках запасных выходов. В каждый такой поход выходил с тайной надеждой найти себе подобных – других сталкеров. И однажды в дальнем туннеле ты наткнулся на несколько человеческих скелетов, дочиста обглоданных крысами. Эта находка открыла тебе глаза, без лишних доводов ты понял, что сурикатство – это идея, которая принадлежит не только тебе. Были шустряки, которые пробирались по катакомбам к твоему острову, но им почему-то не повезло. Какую весть они несли с собой? Что поведали бы тебе, если бы по меткам добрались до твоей крепости, преодолели защиту люков и шлюзов? Какая беда их настигла в глухих норах? Они заблудились, пали жертвами голода, отравились газами сточных труб? Ты никогда не узнаешь истины, но и отказаться от пути сталкера-червя ты уже не сможешь.

Ты продолжил разведочную деятельность, предусмотрительно вооружившись баллончиком с кислотой и противогазом. Со временем ты обнаружил, что главная опасность подземных трасс – это вода, гнилая, с тошнотворным запахом метана. Вода с первых лет катастрофы накопилась во многих коммуникациях и туннелях метро, ею были полны большинство коллекторных ям. Мутная сточная вода, кишачная паразитами, изолировала человеческие острова и в подземном пространстве. Эта была главная причина того, что островитяне вынуждены были рыть колодца и бурить скважины – нужна была чистая питьевая вода. Грязная отравленная вода тем временем продолжала прибывать, она добиралась по руслам подземных рек и ручьев, просачивалась из прудов и болот, в которые превратились станции и туннели метро, ее питали непрерывные муссонные дожди, обрушивающиеся на землю

потоки влаги. И ты понял, что вода – союзник джугары – поля, она прокладывала путь для ее тварей под почвой, питая корневую систему трав и деревьев. Ветер, вода, земля стали главными помощниками джунглей. Огонь и камень пока были с человеком. Но до каких пор? Рано или поздно грязевые потоки перекроют все подземные пути-дороги. Нужно было спешить.

И ты, обливаясь потом, долгими часами пластался в лотках, молотом и зубилом пробивал бетонные стенки, проделывая лазы в соседние коммуникации. Эти наиболее экономные пути тебе пришлось пометить километрами капроновых шнуров. Так ты укорачивал дорогу к цели, создавая новые запасные выходы к другим островам. На карте все эти лазы и проходы пришлось выделить специальными символами. Эта мучительная шахтерская работа в туннелях закалила твой дух и тело, придала некоторую уверенность в ближайшем будущем. И все потому, что ты знал: рано или поздно это человеческое убежище падет, став добычей зверей и леса.

Однажды ты добрался по своим ходам до границы острова № 5. Несколько часов лежал в лотке, прислушиваясь к голосам часовых на вышках, крикам командиров. Остров этот, судя по движениям, был большой, многолюдный, деятельный. Он тоже яростно боролся за выживание, изо всех сил сплачивая усилия жителей, полностью перейдя на военный режим существования. Эти островитяне еще тешили какие-то надежды, потому что были многочисленны, организованы. Но с твоей точки зрения, – глубже погружены в иллюзию спасения и защиты, которая рано или поздно будет сокрушена либо вирусной атакой джугары, либо козьями имперцев и федератов. Когда войны между людьми идут за остатки ресурсов, они обычно бывают беспощадными. Это известно всем. Так чем же они лучше суриката, ушедшего под землю? Что ищет он, и чего хотят они?

– Эй, ты, Серый, не спи! – толкнул под бок бородач слева.

Воспоминания разом улетучились из головы, ты прильнул к ложу автомата. Амбразура, открывая вид взбаламученных джунглей, показывала устрашающую, невиданную картину. Столбы торнадо, летящие на остров с восточной стороны, заметно выросли в размерах. Это были самые настоящие вращающиеся драконы, иссиня-черные, разлохмаченные, наводящие ужас своей мощью. «Идут прямо на нас» – подумал ты, поеживаясь. Всякое приходилось видеть, но такое – никогда. Что на этот раз приготовила джугара? Лесные просторы ходили ходуном под шквалами холодного ветра. И над этим беснующимся морем с жутким величием двигались сатанинские вихри, как бы пожирая самое пространство и время. Ветер толкал и давил вышки, стремясь опрокинуть их на землю. Долговязые сооружения трещали и скрипели всеми своими сочленениями. Цинковая стена вздулась в нескольких местах, – туда бежали толпы рабочих с жердями и досками. На остров надвигалась штормовая сила, необъятная, неумолимая, сокрушительная, заряженная зловещими молниями, кишащая тучами джусойных спор. Смерчи были уже на расстоянии мили. Забор сотрясался по всей длине – его полотно принимало всю силу ветра, работая как парус. Плохо дело!

– Боже мой, Иисусе, – бормотал бородач, косясь куда-то в сторону.

Ты посмотрел туда же и увидел, как волны ряби заструились по зеркальной поверхности бирюзовых башен. Имперцы включили систему силовой защиты. Они-то отсидаются за своими бронированными стенами. Хватит ли у нас упор-

ства выдержать хотя бы первую атаку? Ты перевел бинокль на ближний вихрь, захвативший своими бурунами стены перед тобой и несколько вышек. Сирена захлебывалась в истошном вое. Новые и новые отделения солдат-резервистов бежали к защитным сооружениям. Однако пригони хотя бы дивизию, – будет ли этого достаточно, чтобы противостоять космической мощи джугарного торнадо?

Теперь бинокль помогал различить кое-какие подробности в облике атакующей силы. И ты ахнул, когда понял, что слои смерча, закрученные во внутреннем направлении, состоят из огромного количества черных шаров, стремительно летящих по кругу. Эти огромные шары, похожие на перекаати-поле, казались сотканными из сплошных стержней и колючек. Уже рядом со стеной был высоченный смерч, с гулом кренившийся вспененное небо, когда истина происходящего дошла до твоего сознания.

– Вниз! Скорее! В укрытие, мать вашу! – истоиво заорал ты и кинулся вниз, барабанив ногами по ступенькам.

Солдаты так и сыпанули вслед за тобой. Человеческий муравейник хлынул с вышек и потек в город подальше от стены, но было уже поздно. Чудовище легко перемахнуло через стену, повалив ее, словно лист фанеры, и пошло крушить крыши домов, осыпаясь с сухим шорохом и треском. Шары катились по крышам зданий, прыгая по карнизам, обрушиваясь вниз черной лавиной. И ты увидел кошмар: миллионы стержней, шипов, вылетая из шаров, остриями втыкались в асфальт, стены домов, тела бегущих людей, тотчас начиная буравить место попадания. Туман, несший их, был той самой проклятой и адской джусойной пылью. Ты мчался к дому, работая ногами, удушено сипя в противогаз. Твоя двойная кевларовая спецовка едва сдерживала напор шипов. Но рядом с тобой, впереди и по бокам падали люди, сраженные сотнями веретен. Кровь бежала по асфальту ручьями. Те самые роты и батальоны, которыми ты так гордился всего час назад, видя их военное величие в обороне, таяли на глазах. Дорога была усеяна трупами и корчащимися телами.

Потом ты увидел тьму-тьмущую мелких тварей, принесенных ветром. Это были личинки джусойи и джубуя – похожие на отростки кактуса, но с тем отличием, что они прытко и суетливо двигались, отыскивая податливую поверхность, чтобы внедриться. Обладая тепловым чутьем, они торопились прямо к телам упавших людей, чтобы нырнуть в кровь и мясо. Этих паукообразных существ было несметное множество, и они алчно свиристели, предчувствуя поживу. А солдаты, сраженные шипами, падали и падали, тотчас покрываясь копошащейся тучей личинок. Рев, крики, мольба о помощи, судороги, взгляды, летящие, словно брызги. Каждый боролся за свою жизнь. Споткнулся и нырнул лицом вниз бородач. И тотчас яростно замахал руками и ногами, пытаясь сбросить с себя тварей, но это была уже агония гибнущего. Он сорвал с себя противогаз, и его лицо покрылось кипящей жижей. В последнюю минуту, почувствовав, что в тебя вонзились десятки шипов, ты, словно сквозь туман, разглядел открытый проем подвала. Рухнул в дыру, пинком захлопнул стальную дверь, отчаянно ударил кулаком по язычку затвора. И уже в подвале, катаясь по бетонному полу, сорвал с пояса баллончик, принялся хлестать едкой струей по робе. Нельзя было медлить ни секунды. Ощувив, что буравчики остановились в ткани, рванул рубильник на стене, ворвался в освещенную кабину первого шлюза. Клубы кислоты хлынули

со всех сторон, проникая в поры защитного костюма. Стержни обмякли, посыпались на пол, и ты с ненавистью принялся давить их сапогами, разминая в жижу. Когда вернулся контроль над сознанием, нажал на красную кнопку, панель ушла в сторону, открыв кабину второго шлюза. Здесь ты простоял минут десять в антибактериальном облаке, продукте той же самой кислоты. Эта чистка была более основательной. Именно здесь ты понял, что спасен. Одна мысль стучала в голове: кто предусмотрительно открыл дверь подвала? Кем бы ни был, он оказался твоим спасителем.

Отдышавшись и тщательно осмотрев спецовку, ты нажал на кнопку в стене шлюза, открылся вход в третью камеру. Отсюда железная откидная лестница вела к люку в потолке подвала. Карабкаясь по лесенке, ты услышал тяжелый топот за стеной. Храп множества ноздрей и громыхание земли сообщали о движении стада необычайно массивных существ. Скорее всего, это авангард, прорвавшийся через ограждение: зурог и зубуйволы – животные чрезвычайно мощные и тяжелые. Однако эти мастодонты – создания туповатые и медлительные. Им не придет в голову ломиться в узкую стальную дверь подвала. Они будут валить и утюжить заборы, ворота и всё, что находится во дворах. За ними идут зулоны – эти чудовища способны бивнями разрушать стены, хоботами срывать настилы и кровли. Взрослый зулон весит все пять тонн – настоящий танк, закованный в броню из толстой кожи. За зулонами, крушителями заборов и преград, катит серая лава джугомотов и кабанов. Эти клыкастые гвардейцы, вепри и единороги, – довершают разгром, начатый передовым отрядом. Они остаются надолго на завоеванном плацдарме, чтобы огромными клыками перепахать и взборонить покоренную землю. Свалить легкое деревянное строение для этих тяжеловесов не проблема. Даже кирпичный одноэтажный дом не устоит перед любителями подрывать стены, в ямы завалится сначала фундамент, потом рухнет и само жилище. И ты от души порадовался, что обосновался в многоэтажном здании с толстым бетонным фундаментом, углубленным в землю метров на пять. Джумуры и джубезьяны – мастаки взламывать двери и пробивать окна. Вот кого надо опасаться. Это ненасытные мародеры, страстные любители покопаться в любой дыре. У них почти человеческий инстинкт грабежа и любопытства, запертая дверь только удваивает их нездоровую страсть. Припомнив эту дурную славу джумуров и джубезьян, ты подумал: «Необходимо вернуться и надежно забаррикадировать изнутри дверь подвала».

Взобравшись по лесенке, открыв люк, ты оказался на первом этаже своего дома. Прежде чем запереть люк, ты поднял лесенку и закрепил ее крюком в висячем положении. Все эти меры предосторожности нужны на случай, если хвостатые бестии ворвутся в подвал. Постояв немного, включил аристон, дождался сигнала зуммера, сообщившего, что вода в титане согрелась. Сбросил на пол снаряжение, тяжелую робу, во многих местах продырявленную проклятыми стержнями. Еще раз осмотрел комбинезон, нет ли уцелевшего веретена, затем только вошел в душевую комнату. Теплая вода лилась, моросила, смывала с тела соль и пот, черную пену смертельной усталости с души. Пять минут, десять, еще пять. Хватит! Воду надо беречь. Выйдя из душевой, собрал в охапку одежду, снаряжение, закинул в зев автомата для дополнительной стерилизации. Ни одна спора или кондовое семя не должны попасть в твоё обиталище, в комнаты, где ты можешь по-настоящему расслабиться. На всякий случай тщательно подмел

щеткой пол и собранную пыль бросил на раскаленный круг электропечи. Вроде бы все чисто. И ты почувствовал, как напряжение покидает тебя. И тотчас волной наплыла тошнота: перед глазами понеслись сцены гибели тысяч людей, мужчин, женщин, солдат, рабочих. Крики, стоны, кровавые клочья и ошметки, отвратительная слизь, содрогающаяся на терзаемых телах. Схватился за горло, удерживаясь от рвоты. Пол уходил из-под ног. В висках стучали свинцовые молоточки. Стоял минут десять, схватившись за стену. Дышал глубоко, по йоге пытаюсь восстановить самочувствие. Дело дрянь... Надо добраться до постели, чтобы упасть, нет – ринуться в кромешную тьму забвения. Сейчас нужно только это. Еще одна лесенка, ведущая к люку в потолке. Ты не помнил, как взобрался по ней, открыл люк, как оказался на полу второго этажа. Ты сам полз или кто-то нес тебя? Не ты, а кровать упала на тебя и, вращаясь в омуте страдания, понесла в пучину бездонного океана.

Продолжение следует.

Аслан Жамелевич Жаксылыков – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей РК, член Казахского Пен-клуба, переводчик. Лауреат международных литературных премий «Золотое перо Руси», «Алтын Көпір» и премии Международного Казахского Пен-клуба (2018).

Рассказы, повести, романы публиковались в журналах «Простор», «Дом Ростовых» (Россия), «Шо» (Украина), в альманахе «Казахстан – Россия», а также в «Антологии современной литературы» в трех томах (М., 2013, т. 2). Известность писателю принес романтический цикл «Сны окаянных», включающий пять книг: «Поющие камни», «Сны окаянных», «Другой океан», «Дом суриката» и «Возвращение».

Перевел на русский язык произведения С. Елубая, Ш. Бейсеновой, М. О. Ауэзова, А. Мекебаева, Д. Исабекова, К. Караманулы, А. Майлыбаева, Е. Аманшаева, С. Асылбекулы, Е. Алимжанова, Т. Нурмагамбетова, К. Жиенбая и др.

